

Дарья Донцова

Агент 013

ДЕТЕКТИВ НА ДИТЕ **Татьяна Сергеева**

Дарья Донцова
Агент 013
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319132
Агент 013: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41931-9

Аннотация

Татьяна Сергеева снова одна: любимый муж Гри уехал на новое задание, и от него давно уже ни слуху ни духу... Только работа поможет Танечке отвлечься от ревнивых мыслей! На этот раз она отправилась домой к экстравагантной старушке Тамаре Куклиной, которую якобы медленно убивают загадочными звуками. Но когда Танюша почувствовала дурноту и своими глазами увидела мышей, толпой эвакуирующихся из квартиры, то поняла: клиентка вовсе не сумасшедшая! За плинтусом обнаружилась черная коробочка – источник ультразвуковых колебаний. Кто же подбросил ее безобидной старушке? Следы привели Танюшу на... свалку, где трудится уже не первое поколение «мусоролазов», выгодно торгующих найденными сокровищами. Но там никому даром не нужна мадам Куклина! Или Таню пытаются искусно обмануть?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	97
Глава 9	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Дарья Донцова

Агент 013

Глава 1

Если ты помог другу в беде, то он обязательно вспомнит о тебе, когда снова вляпается в неприятность.

– Тань, ну, плиз, – бормотал мне в ухо нежный голосок, – в последний раз!

– Прости, Анечка, но свободных денег у меня сейчас нет, – ответила я, непонятно почему испытывая смущение.

Вообще-то стесняться надо Ане Носовой, которая за последние три месяца уже в девятый раз просит у меня займы. Деньги моей новой подруге нужны немаленькие, но следует признать, что она вовремя и сполна отдает долг.

– Танюшенька, солнышко, – хныкала Аня, – ну, пожалуйста! На десять дней!

Я пыталась побороть чувство неловкости. Вот сейчас наберусь наглости и заявлю: «Аня, я не люблю быть кредитором, лучше обратись в банк».

Но, с одной стороны, я на это не способна, а с другой – виновата сама. Не следовало открывать кошелек, когда Анечка первый раз меня попросила: «Дай, пожалуйста, десять тысяч до среды».

Именно в тот момент надо было округлить глаза и ответить: «До получки еще неделя! Я живу на зарплату, тщательно планирую расходы и никогда не даю в долг даже небольшие суммы».

Однако я сгоняла в спальню и залезла в железную коробку из-под печенья, куда складываю денежки про запас. Почему я так поступила? Ну, во-первых, абсолютно убеждена, что с соседями нужно дружить, а с Аней мы живем рядом. Во-вторых, она не производит впечатления наркоманки, пьяницы или гулящей бабы, да и не является таковой. Она замужем за хмурым, но вежливым Герой, работает парикмахером в салоне красоты, имеет дочь, десятилетнюю Олесю, и кошку Терешкову. Столь экзотическое имя киска получила за умение падать с большой высоты безо всякого ущерба для здоровья. Как правило, Терешкова пытается поймать голубя, высовывается из окна кухни, подпрыгивает, летит вниз и приземляется на балкон Димона, в квартире которого сейчас живу и я. Это происходит так часто, что все перестали обращать внимание. Я понимаю, что Терешкова снова совершила затяжной прыжок, лишь после того, как натыкаюсь взглядом на черное гибкое тело, которое без спроса ввинтилось на кухню и разлеглось на плите. Наши четыре кошки рыжие, а Анина любимица похожа на головешку. Еще Анечка бесплатно, по первой просьбе, стрижет Анфису с Маргошей, а мне соорудила один раз такую прическу, что даже Димон ахнул от восхищения.

Учитывая все вышесказанное, я вручила соседке прощаемую сумму. Точно в назначенный день и час Аня вернула кредит, поэтому спустя короткое время я вновь дала ей в долг со спокойной душой, и опять мне принесли деньги ровно через неделю. Понимаете, почему я раскошелилась в третий раз? Четвертый? Пятый? Через пару месяцев мне стало понятно: да, Аня всегда четко приносит деньги. Обещала в четверть одиннадцатого утра в пятницу, и будьте уверены, что именно в этот день в десять часов пятнадцать минут она позвонит в дверь квартиры Димона, сжимая в кулаке всю сумму. Но купюры недолго пролежат в железной коробке, через сутки соседка их снова заберет. И чьи в итоге деньги? Аня ими пользуется, а я лишь короткое время держу их в заглазнике. Надо разорвать порочный круг.

– Солнышко, котенька, – сюсюкала в трубку Аня, – выручи!

Тихо ненавидя себя за трусость, я проблеяла:

– Я на работе, а заначка дома.

– Ничего! – заверещала соседка. – Я сама сейчас при деле. Вечером зайду! Ты зайнышка, кошечка, рыбонька! Чмок! Чмок!

Я бросила мобильный на стол. Зайнышка, кошечка, рыбонька – очень верно подмечено, я трусливый заяц, лицемерная кошка и немая рыба, а надо быть храбрым тигром или львом и грозно прорычать: «Отстань! Денег нет!»

Сотовый снова заверещал. Не посмотрев на экран, я рявк-

нула:

– Кто говорит? Чего надо?

– Зайди, – велел Чеслав.

Я спохватилась, хотела извиниться, но босс уже завершил беседу. Еще больше разозлившись на Аню, которая была уж никак не виновата в том, что я нахамила шефу, я помчалась в его кабинет и обнаружила там приятную с виду старушку, одетую, несмотря на теплый июнь, в шерстяное платье, жилетку и сапожки.

– Знакомьтесь, Тамара Владимировна, это Таня, – представил меня Чеслав, – она займется вашей проблемой.

Бабуля окинула меня внимательным взглядом и осталась недовольна.

– Уж больно девочка молодая.

– Таня опытный сотрудник, – возразил Чеслав, – один из лучших работников. Да, она еще юная особа, но молодость – это недостаток, который быстро проходит.

– Может, лучше вы сами пойдете? – сопротивлялась Тамара Владимировна. – Важная миссия требует серьезного человека, а не балаболки.

Чеслав подавил вздох.

– Хорошо, я лично буду курировать расследование, Таня просто вас проводит, осмотрит место происшествия, изучит детали.

– Она будет выполнять техническую работу? – деловито уточнила старушка.

– Абсолютно верно, – подтвердил босс.

– Надеюсь, на это она способна, – пробормотала посетительница. – Хорошо, будь по-вашему.

– Вот и отлично, – обрадовался мой начальник. – Таня, отправляйся с Тамарой Владимировной Куклиной, но прежде позови ко мне Приходько.

– Приходько? – уточнила я.

– Именно Приходько, – кивнул Чеслав, – Федора Приходько.

– Слушаюсь, шеф! – воскликнула я и в сопровождении Тамары Владимировны покинула кабинет.

Плохое настроение стало еще хуже. Сегодня просто день сплошных неприятностей. Сначала Аня, теперь Приходько. В нашей бригаде нет человека, носящего эту украинскую фамилию. Приходько – это шифр. В любой офис порой забредают сумасшедшие, правда, к нам, в отличие от большинства контор, так просто не попасть, внизу дежурит серьезная охрана. И Чеслав никогда не примет человека с улицы. Чтобы бригада занялась чьим-то делом, необходим звонок либо от того, кого босс хорошо знает, либо от вышестоящего начальника. Над моим шефом тоже стоит руководитель, поэтому Чеслав не может сказать посетителю: «Дорогой, идите лесом, мы не хотим заниматься вашим делом».

Нет, если приказано свыше, мы обязаны взяться за работу. Представляю, как порой злится Чеслав, внешне он, правда, невозмутим, но в душе небось частенько негодует. Так

вот, если в кабинет босса ненароком забредает неадекватный посетитель, Чеслав вызывает меня. В мои обязанности входит успокоить психа.

Вы спросите, почему именно мне досталась почетная роль укротителя идиотов? Помните анекдот про собаку? Один человек увидел, как пес его соседа окучивает грядки с картошкой, и поразился: «Найда! Ты умеешь орудовать тяпкой?»

Дворняга смахнула лапой пот с морды и ответила: «Ага. Еще пылесосить дом, варить борщ, закатывать огурчики. Знаешь, с чего все началось? Я научилась приносить тапочки».

Не знаю, потеют ли собаки от чрезмерной физической нагрузки, но, если вы не хотите провести лето с мотыгой в руках, прикиньтесь необучаемой дурой, когда вам предлагают помыть чашку. Я же забыла это нехитрое правило и однажды нейтрализовала дедушку, который на полном серьезе уверял Чеслава: «В мою квартиру светят с улицы фонари. Они радиоактивные, у меня от их излучения волосы по всему телу растут».

Лично я бы в девяносто лет только обрадовалась появлению буйных кудрей, а лишнюю растительность спокойно удалила бы. Но дедуля топал ногами и требовал найти того, кто превратил его в лохматую обезьяну. Никакие здравые аргументы Чеслава на него не действовали, и тогда я сказала: «Дедушка, пойдемте, я отлично умею управляться с ураном, плутонием и прочими радиоактивными изотопами».

Очутившись в квартире старичка, я повесила ему на окно старый DVD-диск и пояснила: «Это отражатель вредоносных лучей, можете спать спокойно».

Дедуля прослезился, а потом спросил: «Внучка, вдруг прибор сломается?»

«Никаких проблем, – заверила я, – придете к нам и бесплатно, как ветеран труда, получите новый».

Пенсионер более в офисе не объявлялся, из чего я делаю вывод: «отражатель» до сего времени исправен. Но мне с той поры досталась должность дежурного «психиатра». Если шеф произносит: «Позови Приходько», это означает, что мне следует увести из конторы психа.

Когда мы вышли на улицу, я предложила:

– Тамара Владимировна, давайте зайдём в кафе.

– Зачем? – возразила та. – Я никогда не пользуюсь сетью общественного питания. Там работают люди с туберкулезом и гепатитом, котлеты делают из кошек, а картошку видоизменяют при помощи уколов. Пойдемте ко мне, там и побеседуем.

Первое правило общения с сумасшедшим звучит просто: никогда не спорь с психом.

– Отлично, – согласилась я, – я тоже не хочу заразиться и не собираюсь лакомиться пюре, которое будет громко жаловаться на жизнь. Пойдемте на парковку.

– Зачем? – заморгала старушка.

– Там стоит моя машина, – уточнила я.

– Нам не нужен автомобиль, – отрезала пенсионерка, – кстати, и в метро мы не поедем.

– Хорошо, – кивнула я, – тогда сядем на автобус?

– Фу, – скривилась старуха, – он воняет и трясет.

– Маршрутка? – предложила я.

Тамара Владимировна окинула меня сердитым взглядом:

– Деточка, там за рулем сидят гастарбайтеры.

– Ага, – сказала я, – и что нам остается? Трамвай? Но он здесь не ходит, впрочем, троллейбус тоже.

– Ну и прекрасно, – улыбнулась Тамара Владимировна, – пойдем пешком.

– Может, все же воспользуемся подземкой? – рискнула предложить я. – Давайте я куплю вам перчатки и одноразовую маску.

– Издеваешься? – прищурилась старушка.

– Конечно, нет, – поспешила я заверить «Приходько», – хочу уберечь вас от инфекции.

– Сказала уже, метро не понадобится, – буркнула она.

– Маршрутка? – пискнула я.

– У тебя с памятью проблемы? – осведомилась вредная бабка. – Сколько раз надо одно и то же повторять? Нам пешком.

– Отлично, – мрачно согласилась я, – двигаем в нужном направлении. Только назовите улицу.

– Нет необходимости, – заявила подопечная.

Я попыталась склонить Тамару Владимировну к сотру-

ничеству.

– Я люблю рассчитывать собственные силы. Если нам идти час, то это одно дело, а если на другой конец города, то совсем другое.

– Не устанешь, – усмехнулась бабуля. – Ну-ка, подумай. Если я не хочу ехать в метро, отказываюсь от наземного вида транспорта и предлагаю идти на своих двоих, о чем это говорит?

Я поправила прическу. Есть лишь один достойный ответ на этот вопрос: «О том, что вы, бабушка, ненормальная!»

Но если я отвечу честно, то рискую получить выговор от босса, который велел мне справиться с «Приходько» мирным способом.

– Ну? Раскинь мозгами, – велела Тамара Владимировна, – это простая загадка. Проще только про ноги броненосца.

– Ноги броненосца? – растерялась я.

– Не знаешь? – обрадовалась старушка. – А кто такие броненосцы, слышала?

– Это зверьки, – пожала я плечами, – помесь черепахи и ежика без иголок. У писателя Киплинга есть рассказ о том, как появились броненосцы.

– Великолепный ответ, – похвалила меня бабуля. – Так вот! У броненосца две передние лапы, две задние, две правые, две левые. Сколько всего ног?

Я произвела в уме простое арифметическое действие.

– Восемь!

Бабуля засмеялась.

– Нет.

– Дважды четыре – не восемь? – на всякий случай уточнила я. – С математикой у меня непростые взаимоотношения.

– Ног не восемь! – радостно заявила старушенция.

– Две передние, две задние, две правые, две левые, – повторила я. – Восемь!

– Неверно! – еще больше развеселилась ненормальная.

И тут я сообразила: «Таня, ты дура. Перестань спорить с «Приходько».

– Провалила ты тест на сообразительность, – веселилась старуха, – ладно, оставим его на потом. Так почему я хочу идти пешком?

– Вы имеете право на любые желания и поступки, если они не противоречат статьям Уголовного кодекса, – вывернулась я, – хотите погулять, потому что сегодня прекрасная погода. Я с вами солидарна, надо пользоваться радостями короткого московского лета. Ну, двинули!

Тамара Владимировна кивнула, мы сделали пару шагов, и она остановилась.

– Устали? – предположила я. – Поймать такси? Я совсем забыла предложить вам это раньше.

– Не надо! – раздалось в ответ.

– Ладно, – кивнула я.

Похоже, день пропал окончательно. Интересно, где обитает Тамара Владимировна? Надеюсь, она москвичка и нам

не придется брести с котомкой до города Иваново. Впрочем, столица невест не так далеко от столицы, хуже, если старушка из Хабаровска, Челябинска, Омска или...

Звонкий, совсем не старческий голос прервал мои мрачные раздумья:

– Даю тебе последний шанс проявить ум. В метро я не хочу, от маршрутки, автобуса и такси отказываюсь, да и пешком не иду, почему?

«По кочану», – чуть было не вырвалось у меня. Титаническим усилием воли я удержала на кончике языка совсем не дипломатическое выражение и глупо улыбнулась.

Тамара Владимировна схватилась за латунную ручку двери подъезда, около которого мы замерли, потянула ее на себя и сказала:

– Потому что мы уже пришли. Я живу здесь! Два тебе, Таня, садись на тумбу, подними передние лапы и не шевелись, а то не получишь кусок сыра.

Мое возмущение перевесило все остальные чувства.

– Отчего бы просто не сказать: «Моя квартира в соседнем с вашим офисом здании»?

Тамара Владимировна начала медленно подниматься по лестнице.

– Я хотела проверить, насколько ты быстро соображаешь. К сожалению, пока ты не оправдываешь моих ожиданий. Ладно, дам тебе еще один шанс! По какой причине я не пользуюсь лифтом?

– Потому что живете на втором этаже, – хмыкнула я.

– Мимо кассы! – обрадовалась Тамара Владимировна. – Попалась ты на старый крючок. Запомни, нет одинаковых загадок. Топать нам с тобой под самую крышу. Ну, еще раз попытаешься?

– Сдаюсь, – выдохнула я.

– Фу, – поморщилась вредная бабка, – никогда не сдавайся и не произноси: «Я сделала все, что могла». Если не достигла успеха, значит, не все сделала, сошла с дистанции и валяешься в канаве. Поняла?

– Вы, наверное, бывшая учительница, – предположила я.

– Нет, ветеринар, – ответила Тамара Владимировна. – А на лифте мы не едем, потому что он сломан. Разве ты не заметила объявления на первом этаже?

Я молча покачала головой и поспешила за резво преодолевавшей ступени Куклиной.

Глава 2

– Меня травят звуком, – объявила Тамара Владимировна, едва я втиснулась в крохотную прихожую, – очень противный такой: и-и-и-и! Полковник нервничает, сержант не спит. Снимай туфли и иди на кухню.

Я покорно сбросила балетки и очутилась в отсеке, по сравнению с которым место в авиалайнере, где стюардессы разогревают еду для пассажиров, просто Версальский дворец. Вместо окна здесь была форточка, столом служила откидная доска, приделанная к стене, а сидеть предлагалось на крошечных трехногих табуреточках.

– Даже тараканы ушли! – уточнила хозяйка. – А их тут было немерено. Я сначала решила, что Моте таки удалось вывести противных насекомых, она давно их шпыняет, но я поспрашивала соседей и поняла: прусаки только от меня удрали. Покидали квартиру цепочкой, с детьми и женами.

Я кивнула.

– Ясно!

– Тянулись из ванной, – не успокаивалась Тамара, – с багажом. Хочешь посмотреть? Пошли в комнату.

– Конечно, – согласилась я.

Делать нечего, процесс укрощения сумасшедшей занимает много времени.

Тамара Владимировна открыла крошечную дверцу, при-

нятую мною за створку миниатюрного шкафа.

– Иди сюда.

Я сгорбилась в три погибели, вдохнула, задержала дыхание, протиснулась в узкий проем, сделала пару шагов в крошечной темноте, запуталась в тяжелых бархатных занавесках, но сумела их отдернуть и ахнула:

– Черт возьми!

– Все так говорят, – кивнула Тамара Владимировна, идя следом за мной. – Удивляюсь, ну до чего у людей стандартная реакция на мою комнатку!

Я стояла с разинутым ртом. Комнатку? Зал примерно семьдесят квадратных метров! Одна стена состоит из огромных, от пола до потолка, окон, вторая, с дверью, сплошь завешена книжными полками, вдоль третьей тянутся консоли со статуэтками и посудой, а четвертая теряется вдали.

– Ну и размер! – восхитилась я. – Странно, что здесь такая крошечная кухонька!

– Еще больше тебя удивит ванная! – улыбнулась хозяйка. – Хочешь посмотреть?

Натыкаясь на кресла, столы, козетки, пуфики, тумбочки и прочую мебель, мы добрались до огромной дубовой кровати с пологом.

Тамара Владимировна распахнула дверцу одного из бесчисленных шифоньеров, но я увидела не платья, а небольшой унитаз, над которым висел душ. Рукомойника здесь не было, из стены торчал кран, под ним на полу маячил тазик.

– Супер, – вырвалось у меня, – квартиру проектировал сбрендивший архитектор! Вы моетесь, сидя на горшке? А куда девается грязная вода?

– Часть попадает в слив толчка, остальное на пол, там есть отверстие, оно ведет в канализацию, – пояснила Тамара Владимировна, закрывая дверцу, – садись в кресло!

Я плюхнулась в продавленные подушки, а хозяйка начала рассказывать историю квартиры.

Дом был построен богатым купцом еще во времена правления Николая Второго. Лавочник возвел аж пятиэтажное здание, почти небоскреб. После революции его живо расстреляли, а дом превратили в скопище коммуналок. Бабушке и дедушке Тамары достался бывший зал для балов. Ни кухни, ни санузла в нем не было, поэтому семья пользовалась общей с соседями уборной на четвертом этаже, варила обед на третьем, а мыться ходила в баню. После Второй мировой войны в семье Куклиных появился зять, отец Тамары, рукастый мастеровой человек, который сообразил, что две прилегающие к огромной комнате каморки можно превратить в личную кухню и ванную. Каким образом родители смогли оформить жилплощадь как отдельную квартиру, Тамара не знала. Она просто живет тут с рождения и не собирается уезжать.

– Весь дом уже поменял жильцов, – объясняла старуха, – на втором этаже раньше пять семей жило, а теперь один бизнесмен. Он людям отдельные квартиры приобрел, уезжали

все с радостью. На третьем и четвертом тоже Шанхай гудели, их банкиры расселяли, лишь мы с Мотей на пятом этаже остались. У меня зал, у нее бывшая буфетная, семь квадратов, зато кухня полноценная и туалет с ванной здоровущей. Там Мотин бывший муж живет.

– В сортире? – уточнила я.

– Он аж двадцать метров, – хмыкнула Тамара Владимировна, – кровать влезла, столик. Конечно, не очень удобно, когда Мотя и ее новый супруг в туалет хотят!

– Жуть, – поежилась я.

Тамара Владимировна поджала губы.

– Люди хуже живут. Я ни за что отсюда не сдвинусь! Мне много раз предлагали двушку, но я не уеду из родительской квартиры. Враги мои это поняли и начали травлю. Один олигарх старается, имени его я не знаю, сюда его адвокат приходит, вертлявый парень, кличут Осипом. Где-то у меня его визитка валяется. Эй, Полковник, найди бумажку!

Куча пледов на кровати зашевелилась, из нее высунулась небольшая мордочка с бородой, круглыми глазами и лохматыми ушами.

– Обезьянка! – подпрыгнула я.

– Сама такая, – обиделась Тамара Владимировна, – это собака.

Небольшое четвероногое вылезло полностью.

– Что это за порода? – продолжала удивляться я. – Никогда такого не видела.

– Пти Барбансон из Сен-Барбансона, – ответила старушка.

– Какая странная кличка – Полковник, – не удержалась я.

– Еще есть Сержант, – улыбнулась бабуля, – он, как понимаешь, моложе и состоит в подчинении у Полковника. Смотри.

Тамара Владимировна выпрямила спину и громко сказала:

– Что у нас сегодня происходит? Полковник! Где визитка противного адвокатишки?

Пес пошевелил бровями. Понимаю, что большинство из вас сейчас возразит: «У собак нету бровей». Но у Полковника они были, и он мог ими двигать. Из-за большой подушки в изголовье гигантского ложа показалась еще одна морда, тоже лохматая. Полковник издал звук, похожий на кашель. Вторая собака начала выбираться из укрытия: тело вытянулось на кровати почти до середины матраса. Наконец показали задние ноги.

– Это Сержант, – познакомила нас хозяйка.

– А он какой по-породы? – очумело спросила я и услышала в ответ:

– Пти Барбансон а-ля эскимос.

– Но псы абсолютно не похожи, – возразила я, – у них только растительность на морде одинаковая!

– Разве француз идентичен эскимосу? В смысле люди? – заморгала Тамара Владимировна.

– Не очень, – признала я.

– Тогда почему ты ждешь, что северная собака будет близнецом европейской? – спросила она. – Есть бурый медведь, а есть белый.

– Ага, – кивнула я, наблюдая, как «эскимос» медленно, словно варенье, стекает с кровати на пол, – но у Сержанта очень короткие ноги!

– И что? – нахмурилась Тамара Владимировна. – Согласна, Сержант отнюдь не красавец, но он обладает кучей талантов! Ты пришла сюда обсуждать размер его лап? Меня травят звуком! Надо отыскать и обезвредить его источник.

– Обязательно, – пообещала я, – займусь этим прямо сейчас. У вас найдется палочка, веточка или кусок проволоки?

Хозяйка встала и подала мне бамбуковую указку.

– Сойдет?

– Супер! – обрадовалась я и вытянула перед собой обе руки. – Минутку!

– Что ты делаешь? – с интересом осведомилась старушка.

Я постаралась ответить с самым серьезным видом.

– Улавливаю звуковые колебания. Знаете, есть такие люди – лозоходцы. В древности, когда в деревне собирались рыть колодец, всегда нанимали такого специалиста. Человек брал в руки ветку или, на старый лад, лозу, шел по селу, и в каком-то месте палочка начинала в его руках шевелиться. Именно там следовало рыть, вода была недалеко от поверхности.

– Слышала о подобном, – тихо сказала Тамара Владимировна.

Я заискрилась широкой улыбкой.

– Замечательно. А мне достался талант ощущать звуки, сейчас возьму след и спасу вас.

– Дуру из меня делаешь! – покачала головой пенсионерка. – Полагаешь, что я клиентка психушки?

– Конечно, нет! – возразила я.

– У меня редкий слух, – пояснила Тамара Владимировна, – можно сказать, нечеловеческий. Когда противный звук включается, я воспринимаю его. Думаю, для обычного человека он неуловим, хотя вызывает беспокойство, мигрень, тошноту и бессонницу. Просто другие не понимают, в чем причина этого.

– Сей момент все исправим, – оптимистично пообещала я, – чую, волны ползут от окна!

– Нет, их источник в туалете, – не согласилась хозяйка, – оттуда звук доносится.

Полковник прыгнул с кровати и начал метаться около двери в сортир.

– Началось! – вздрогнула бабуля. – Видишь, он реагирует!

Полковник распустил бороду, Сержант кинулся под кровать, Тамара Владимировна схватилась за голову.

– Слышишь?

– Нет, – честно ответила я, начав сомневаться в сумасшествии старушки.

Звуковые галлюцинации, как правило, преследуют исключительно больных людей, а если мучаются собаки, значит, они тоже что-то слышат. А Полковник с Сержантом явно испытывали дискомфорт.

Дверь в туалет приоткрылась, меня затошнило.

– О! Теперь и мыши решили слинять, – ткнула пальцем хозяйка квартиры.

Полковник бочком пятился к стене, Сержант постанывал из-под ложа. Я предпочла упасть в кресло и поджать ноги.

Из сортира потекла цепочка серых грызунов. Они деловито прошли по комнате и потерялись в ее противоположном конце. Мышей было много и разных размеров, среди них выделялись крупные особи, вероятно, отцы семейств, средние экземпляры и крохотные мышки.

– Сначала тараканы, теперь грызуны, – простонала Тамара Владимировна, – следующие на очереди мы с собаками, так и задумано.

– Главное, сохраняйте спокойствие, – приказала я, вынимая мобильный. – Сейчас сюда прибудет компьютерный гений с хитрой аппаратурой. Черт, меня мутит, и голова болеть начинает.

Через полтора часа Димон нашел маленькую черную коробочку, аккуратно запрятанную под плинтусом в туалете.

– Смахивает на ультразвуковую мышеловку, – констатировал Коробок.

Мы с Тамарой Владимировной опешили, а хакер, осторожно упаковав находку в пластиковый мешок, пустился в объяснения:

– Наука выяснила, что грызуны, кроты и прочие вредители урожая не выносят звуки особой частоты. Если слышат их, сразу испаряются. Отличное средство, действует почти со стопроцентной эффективностью, отпугивает любителей полакомиться корнеплодами на чужом огороде и выгоняет непрошенных гостей из дома. Одна беда: если у вас есть собаки-кошки-хомячки, они тоже испытают страдания. А еще очень редко встречаются люди, мутанты, которые способны уловить безопасные для большинства других звуковые колебания. Вы, Тамара Владимировна, вероятно, из их числа.

– Здорово! Я генетический урод! – обрадовалась старушка.

– Я сказал «мутант», – не смутился Димон. – Это не одно и то же!

– Вы точно не покупали это устройство? – вмешалась я в беседу.

– Зачем бы? – ответила Куклина.

– Шикарный вопрос, – кивнула я, – напрашивается ответ: чтобы избавиться от мышей.

Тамара Владимировна махнула рукой.

– Их здесь такое количество, что бороться бесполезно. И мы с ними договорились: я не трогаю их, они не лезут в комнату, копошатся по ночам в туалете. Если уж очень разойдут-

ся, Полковник Сержанту приказывает, тот идет разбираться, пару раз в санузел сунулся, больше конфликтов не возникало.

Пока мы с Тамарой Владимировной беседовали о домашних вредителях, Димон сел за стол, открыл свой чемоданчик, набитый разной всячиной, включил ноутбук и принялся тихо напевать:

– Шла Маруся, а за нею гуси...

– Вы упоминали про соседку, которая пыталась вытравить тараканов, – продолжала я.

– Матрена их боится, – улыбнулась Тамара Владимировна. – Глупо, прусаки ведь не кусаются. Но Мотя вся состоит из нелогичных поступков, ей при рождении забыли вложить в черепную коробку мозги, набили туда желе из сарухая, так она теперь и живет.

– Что такое сарухай? – не поняла я.

– Фрукт, – ответила Тамара Владимировна, – экзотический. Стоит дорого, ни вкуса, ни запаха не имеет, дрянь, одним словом. Даже Сержант его жрать не стал, а он все может слопать.

– Гуси, гуси щипали Марусю, – мирно выводил Димон, производя «вскрытие» коробочки.

– Мотя ко мне подкатывалась, – продолжала Тамара Владимировна, – говорила: «Давай их вместе отравим», но у меня принцип никого не убивать.

– Вероятно, соседка приобрела ультразвуковой отпугива-

тель и подсунула к вам в туалет, — предположила я, — осталось выяснить, как она сюда проникла в отсутствие хозяйки.

— Мы ключами обменялись на всякий случай, мало ли чего, — пояснила Куклина.

— Отлично! — обрадовалась я. — Вы ушли гулять с собаками, а Мотя сунула приборчик под плинтус в санузле. Ее поступок отвратителен, но, полагаю, она не собиралась причинять вред вашему здоровью. Надо побеседовать с мадам!

— Этта точно, — подхватил Димон, — побалакать с дамочкой необходимо. А насчет вреда здоровью... Я бы не судил столь категорично о намерениях очаровательной соседки.

— Думаешь, Мотя хочет известить Тамару Владимировну при помощи звуковой мышеловки? — хмыкнула я. — Считает ее крупным грызуном?

— Это не простой прибор для отпугивания крыс, — ответил Дима.

— А что тогда? — заморгала Куклина. — Ты же сам пару минут назад так сказал.

Димон почесал переносицу.

— Очень похож на первый взгляд. А на второй уже нет. Боюсь, не смогу вам объяснить его принцип действия.

— И не надо! — оборвала хакера Тамара Владимировна. — Я не знаю, как работает телик, не понимаю, откуда он берет сериалы, но мне важно, что я их вижу! Просто скажи: чего мне ожидать?

Коробков уставился на мелкие детальки, лежавшие на

столе.

– Любимый кинофильм эта зараза вам точно не продемонстрирует.

Тамара Владимировна изогнула брови.

– Да ну? А я, дура, ожидала узреть с ее помощью канал «Дискавери» или «Анимал плэнетс».

– Она не сумасшедшая, – шепнула я Коробку.

Куклина не лгала, когда говорила про свой необычайно острый слух.

– Пока нет, – фыркнула она. – Хотя не уверена, что через двадцать лет не стану, как Мотя, читать «Желтуху».

– Простите, – смутилась я.

– Ничего, деточка, – милостиво кивнула хозяйка. – Скажи ты: «Тамара Владимировна совсем из ума выжила» – мне это было бы неприятно, а признание моей дееспособности необходимо. Ладушки, с кино разобрались, теперь об электронной гадости поподробнее.

Димон потрогал пальцем одну из частей коробочки.

– Ухо человека воспринимает звук в диапазоне от 16 до 20 килогерц. Остальное мы не слышим, но это не означает, что других колебаний нет. Животные более чувствительны, о чем следует помнить их владельцам. Четвероногие воспринимают музыку. Есть исследования, подтверждающие: коровы лучше доятся, когда им включают вальс или нечто лирическое, и почти впадают в безумие от тяжелого рока.

– Похоже, я буренка, – вздохнула Тамара Владимировна. –

Когда слышу «умц-умц, тынц-тынц, бах-барабах», тоже впадаю в безумие.

– Дальше, – поторопила я хакера.

– Мышепугатели сделаны так, чтобы не нанести вред человеку, – бубнил Коробок, – а этот... он наточен не на грызунов, а на старушек! Кстати, Танюша, тебя тоже затошнило, когда ты тут полчаса просидела.

Мы с Тамарой Владимировной оцепенели.

– Я не старушка! – спустя миг вырвалось у меня.

– С этим трудно спорить, – согласился Коробок, – но к чему твое заявление?

– Если пытались нанести вред Тамаре Владимировне, почему устройство подействовало на меня? – удивилась я.

Димон откашлялся.

– Потому что ты тоже человек! Возраст в данном случае роли не играет. Оригинальный способ лишить здоровья себе подобного. Предполагалось, что Тамара Владимировна начнет испытывать легкое головокружение, расстройство сна, потом настанет время скачков давления, сбой в желудочно-кишечном тракте. Естественно, она отправится к врачу, и как поступит доктор?

Старушка усмехнулась.

– Выпишет кучу таблеток, споет песню про капризы погоды, напомним про правильное питание, прогулки, а сам подумает: «Помирать, старая кляча, тебе пора, нечего на хорошее здоровье в твоём возрасте рассчитывать».

– Слегка прямолинейно, но в принципе верно, – согласился хакер. – Состояние Куклиной начнет резко ухудшаться, а когда произойдет... э... мм... ну...

– А когда я отброшу тапки, никто не вздрогнет, – решительно подхватила Тамара Владимировна, – старухам положено играть в ящик.

Димон крякнул.

– Вам повезло, что вы обладаете ушами летучей мыши, поэтому попытка сжить вас со свету закончилась неудачей. Любой другой человек просто ощутил бы непонятное беспокойство, а вы сумели связать его со звуком.

– Очень противно пиццало, – поморщилась бабушка, – иногда сильнее, иногда слабее, затихало и снова начинало. Полковник с Сержантом суетились, тараканы ушли, были у меня поводы забеспокоиться.

– Аппарат сделал умелец в кустарных условиях, – забубнил Димон, – талантливый человек, типа Кулибина, но чего-то он не учел, оттого мощность звука менялась, а вам делалось то лучше, то хуже. Ну, Таняша, какие мысли имеешь по данному поводу?

– Не особо оригинальные, – мрачно ответила я, – надо побеседовать с соседкой Мотей.

Моей ноги коснулось что-то мягкое, я посмотрела вниз. Около стула стоял Сержант. Он высоко задрал голову. В зубах у него торчал белый прямоугольник, собака явно хотела, чтобы я взяла бумажку.

– Что он притащил? – любопытствовала Тамара Владимировна.

Я поднесла к глазам картонную карточку.

– Визитку. Адвокат Осип Кошмаров.

– Хорошая фамилия для юриста, – без тени улыбки заметил Димон.

– Нашел! – обрадовалась Тамара Владимировна. – Сержант молодец! Хвалю! Возьми с полки пирожок!

С каждой минутой Куклина все больше мне нравилась, вот сейчас она употребила любимое выражение моей бабушки. Та тоже любила говорить в качестве одобрения: «Возьми с полки пирожок». А еще бабуля рассказывала, что маленькая Танечка, услышав первый раз про пирог, поняла слова буквально, отправилась на его поиски и очень расстроилась, не найдя угощенья.

Сержант гордо вскинул голову, засеменил короткими лапами до подоконника, на котором стояло блюдо, прикрытое салфеткой, и тихо тявкнул. Из другого конца комнаты к нему примчался Полковник, ловко привстал на задние лапы, дотянулся мордой до тарелки, просунул нос под ткань. Я разинула рот. В зубах Полковника торчал пирожок. Сержант издал ноющий звук, Полковник выплюнул свою добычу и ушел. «Эскимос» схватил пирог и проглотил. Я потрясла головой. В доме Куклиной фраза «Возьми с полки пирожок» имеет буквальное значение, Тамара Владимировна предложила Сержанту полакомиться, а поскольку у него лапки ко-

ротенькие, достать с подоконника награду ему помог Полковник.

Глава 3

Мотя оказалась дома. Она абсолютно спокойно отреагировала на приглашение соседки попить вместе чайку. Увидев меня и Димона, тоже не занервничала, лишь выпучила глаза и сказала:

– Тamar, познакомь нас!

– Дело не долгое, – кивнула Куклина, – Таня и Дима. А это Матрена, мы с ней почти родственницы, всю жизнь на одном этаже живем.

– Мучаемся, – уточнила Мотя, – жилищные условия у нас ужасные!

– Не говори глупости, – осадила ее Куклина, – самый центр, но тихо, никаких пьяниц в доме, чисто, аккуратно, метро, хоть я его и не люблю, в паре шагов. Красота!

Мотя выставила вперед ногу.

– Правда? Тебе и впрямь хорошо, одна обитаешь! А у меня коммуналка! Один муж в сортире живет, второй, чтобы поспать, у него разрешения просит! В округе сплошные бутки, ни одного нормального продмага. Воздуха нет! Квартплата растет! Вот бы мне в трешку в Куркино переехать! И ведь нам шикарные варианты предлагали. Сначала давали Тamarке и мне по двушке, а Петьке, бывшему моему, однушку. Я от радости запрыгала, да Томка не согласилась: «Не уеду, говорит, из родительских апартаментов, меня сюда из

роддома принесли, отсюда и на кладбище увезут». Вот этого-то я и опасаюсь, – вздохнула Мотя, – вместе с тобой и мне в дерьме жить! Хотя, надо признать, из-за упорства Тамарки Осип теперь совсем роскошь предлагает: не только нам по квартире, но и денег в придачу.

– Нет! – гаркнула Куклина.

– Переезд за счет покупателя, – сказала Матрена, – будь человеком, одумайся.

– Нет! – не изменила решения Тамара Владимировна. – Зачем сто раз один и тот же плач затевать? Хоть замо́к мне в Париже пообещай, в Кремле апартаменты посули – отсюда не сдвинусь. Здесь память о моих родителях!

– Они умерли! – взвизгнула Матрена. – Уютно в гробиках устроились! Каждый в отдельном, не в коммунальной колоде.

Полковник уловил изменение в голосе соседки, и оно ему не понравилось, пес приблизился к Матрене и тихо зарычал.

– Заткнись, балбес, – не испугалась собаки Мотя, она повернулась к Димону. – А вы ей кто? Попробуйте объяснить, если подобра не съедет, по-плохому выковырнут, в газетах о таком много пишут.

– Звучит как угроза, – констатировал Коробков.

– Кто вам дал коробочку? – поинтересовалась я.

– Какую? – попыталась изобразить изумление Матрена.

На ее вопрос неожиданно ответил Сержант. Он подскочил к столу, задрал морду и басом произнес:

– Гав!

– Собачка верно говорит, – вздохнул Коробков, – посмотрите, на столе лежит кое-что, оно тянет на большой срок.

– Большой срок? – похоже, искренне удивилась Мотя.

– В Уголовном кодексе есть статья о покушении на убийство, – объяснил хакер, – десять лет с конфискацией имущества.

– А поскольку вы сами не способны сконструировать ультразвукового убийцу, то привлекли к затее поделщика, – вступила я в игру, – у вас получилась преступная группа. И вместо десяти лет получите двадцать!

Мотя рухнула на стул и стала переводить взгляд с Димона на меня и назад.

– Понимаю ваше удивление, – продолжал хакер, – по логике вещей, если преступников несколько, то размер наказания для каждого должен уменьшаться. Но такой принцип срабатывает лишь в отношении конфеты. Приобрели шоколадку на пятерых – каждому по маленькому кусочку досталось. А в уголовной песне иначе поется: чем больше ребятшек на дело пошло, тем больше срок для каждой отдельной единицы.

– И не надо лгать! – живо предостерегла я. – Мы отлично знаем, кто звукового киллера под плинтус засунул!

– Вытяните руки! – резко потребовал хакер.

Матрена послушно выполнила приказ, Димон вынул из чемоданчика круглую штуку, напоминающую тарелку, наце-

лил ее на пальцы почти парализованной от страха соседки и спустя мгновение объявил:

– Мда! Отпечатки совпадают.

Я постаралась сохранить серьезный вид. Надеюсь, Матрена не любитель детективных сериалов и она поверит хакеру. Нынче фанаты криминальных фильмов знают, как снимают отпечатки. А кое-кто отлично изучил закон и поймет, что все речи про десять лет и конфискацию – выдумки, я не знаю, сколько дают тем, кто покушается на убийство.

– Мотя, – тихо сказала Тамара Владимировна, – ты хотела меня изничтожить? Почему? Хотя это глупый вопрос, ответ на него ясен: из-за квартиры. Пока я съезжать отказываюсь, тебе тоже здесь сидеть придется. Богатому человеку одна халупа неинтересна, нужен весь этаж!

Матрена зарыдала.

– Да! Да! Прости! Хочется на старости лет комфорта, уюта, нормальной ванны. Петька – сукин сын, он нас с Василием в сортир не пускает, говорит: «Я прописан здесь, имею право на метры. Нечего в моей спальне нужду справлять!» Я хочу уехать!

Голос Моти сорвался, Тамара Владимировна бросилась к соседке.

– Я тоже виновата! Бедняжечка! Ты решилась на убийство! Представляю, как ты нервничала и мучилась!

Мотя вытерла лицо подолом домашнего платья.

– Я и в мыслях не имела тебя жизни лишать!

Димон постучал пальцем по столу.

– А это что? Здесь лежит звуковой киллер!

– Всего-то вонючка! – буркнула Мотя. – Мне ее Осип дал.

Сказал, коробочку надо в укромном месте пристроить, она будет запах издавать вроде протухшей рыбы. Тамарке тошно в прямом смысле слова станет, она начнет искать, откуда воняет, да не найдет.

– Отличный метод, – одобрил Димон, – ну зачем тратить время и силы на поиск нужных аргументов! Вперед на танке по куриным яйцам.

– Яиц я не приносила, – возразила Матрена, – только вонючку. Осип велел месячишко подождать, пообещал: «Приду потом к Куклиной и скажу: «В вашем доме трубы от древности гниют, надо капремонт делать, ЖЭК денег не дает. Соглашайтесь на переезд, иначе задохнетесь». Вот так дело обстояло! Никаких куриных яиц.

– Кстати! Яйцо невозможно раздавить в ладони, – вдруг оживилась Тамара Владимировна, – сегодня позвоню Осипу и скажу: «Я согласна на переезд, если...»

– Ангел! – завопила Мотя. – Сизокрылый херувим!

– «...если сумеешь раздавить яичко», – закончила старушка. – Вот ему загадка!

– Это совсем не трудно, – хмыкнул Димон, – скорлупа хрупкая вещь.

– Ты пробовал? – обрадовалась Куклина.

Я поняла, что Тамара Владимировна и Коробков одного

поля ягоды, и решила вмешаться в их беседу:

– Вернемся к основной теме.

– Успеется, – отмахнулась пенсионерка, порылась в шкафчике, висевшем в простенке между окнами, вытащила картонную упаковку и примчалась назад со словами: – Сцепи пальцы обеих рук в замок.

Димон выполнил приказ, старушка сунула ему между ладоней яйцо и приказала:

– Жми!

– Жму, – объявил хакер.

– Старайся изо всех сил, – не успокаивалась Тамара Владимировна.

– Уфф, – пропыхтел компьютерщик, – ни фига не получается! Прикольно!

– Неуч, – с презрением констатировала Куклина, – ты не читал занимательную физику Перельмана?

– Конечно, читал, – возмутился Коробок, – но про яйца не помню.

– Хватит идиотничать! – разозлилась я. – Свой свояка видит издалека!

– Непонятная народная мудрость, – пробасил хакер.

– Вы с Тамарой Владимировной приколисты, – пояснила я, – с полувзгляда друг друга раскусили и решили надо мной потешаться! Разбить яйцо можно элементарно.

Куклина подняла указательный палец.

– Разбить! Но не раздавить в ладонях!

– И в чем разница? – спросила я.

– А ты попытайся, – предложил Коробок.

Я сплела пальцы, яйцо переместилось ко мне.

– Давай!

Я осторожно сдвинула руки, яичко даже не треснуло. Следующие пять минут прошли в бесплодных попытках расколоть скорлупу.

– Сдаешься? – обрадовался хакер.

– Оно деревянное, – с обидой сказала я.

– А ну, разомкни пальчики! – гаркнула Тамара Владимировна.

Я машинально повиновалась, яйцо шлепнулось на пол, послышался треск, по паркету медленно расползлась бело-желтая лужа.

– Простите, пожалуйста, – зачастила я, – где у вас тряпка? Сейчас подотру.

– Нет проблем, Полковник, сюда! – крикнула хозяйка. – Ну что, оно настоящее?

– Почему же яйцо в ладонях не треснуло? – недоумевала я.

Полковник подошел к лужице, но не подумал ее подлизывать, а громко гавкнул.

– Полковник! – нахмурилась Тамара Владимировна. – Разговорчики в строю!

Пес упал на бок и поднял одну переднюю лапу.

– Черт! Совсем забыла, что ветеринар тебе из-за шалостей

печени запретил кучу продуктов, – всплеснула руками хозяйка. – Хорошо хоть ты у меня в маразм не впал. Сержант, твой выход!

«Эскимос» не заставил себя ждать, в два счета уничтожив следы.

– Яйца должны хорошо давиться, – не успокаивалась я.

– Это еще проще, чем загадка про броненосца, – довольно захихикала Тамара Владимировна.

– Этим курам много кальция давали! – выдвинула свою версию Мотя. – Мне вот врач велел его от хрупкости костей пить.

– А что с броненосцем? – оживился Димон.

– У него две ноги правые, две левые, две передние, две задние, сколько в сумме? – спросила Тамара Владимировна.

Коробок рассмеялся и ткнул в меня пальцем.

– Она сказала «восемь»?

– Угадал, – кивнула хозяйка, – супер, да?

– Разрешите всем напомнить про цель нашего визита, – язвительно произнесла я, – уж простите, что отрываю вас от увлекательного процесса давки яиц и...

– Давка яиц! Звучит красиво, – одобрил хакер.

Но меня непросто сбить с толку, я договорила:

– И возвращаю к делу о попытке убийства при помощи звукового киллера. Пока кто-то занимался глупостями, я придумала отличный план!

...Квартира Моти производила такое же странное впечат-

ление, как и апартаменты Тамары Владимировны, и тоже наполнилась вещами из прошлого, просто музей быта пятидесятих годов прошлого века.

– Вы помните, что надо говорить? – на всякий случай спросил Коробок, когда Матрена протянула руку к допотопному телефонному аппарату с наборным диском.

– Ага, – подтвердила Мотя и через секунду закудаhtала: – Осип Андреевич? Это я. Че, не узнали? Матрена Бурмакина. Можете приехать? Ой, срочненько! Тут дело нехорошее затевается.

Устроив трубку на рычаге, Мотя удовлетворенно сказала:

– Пообещал через десять минут прибыть.

– Отлично, – обрадовался Коробок, – главное теперь, чтобы он побольше наболтал и в туалет пошел.

– Поняла, не дура, – кивнула Мотя.

Кошмаров не подвел. Ровно в обещанный срок раздался звонок. Мы с Коробковым быстро спрятались в двадцатиметровом санузле. Слава богу, первый супруг Моти находился на работе, и никто чинить препятствий не стал.

– Добрый день, Матрена Филипповна, – произнес приятный баритон, – что произошло?

– Не воняет ваша конструкция, – озвучила наш текст Бурмакина. – Ну вообще запаха нет!

– Вы его не ощущаете, а у Тамары Владимировны в носу уже щиплет, аппарат индивидуально настроен на Куклину, – соврал Кошмаров.

– Он не работает, – топнула ногой Мотя.

– Исключено, – отрезал адвокат, – это испытанное средство.

– Фиг бы с ним, – вздохнула Бурмакина, – тут другая напасть подкатила. Тамарка свой зал продает.

– Как это? – оторопел Кошмаров. – Кому?

– Людям, за хорошие деньги, – всхлипнула Матрена.

Я мысленно заплодировала пенсионерке, та отлично справлялась с ролью.

– Откуда вы знаете? – напрягся Осип.

– Тамарка сегодня утром пришла и сказала: «Ну, Мотя, я нашла отличный вариант! И денег дадут, и апартаменты купят, и я на месте останусь!»

Кошмаров засмеялся.

– Матрена Филипповна, Тамара над вами издевается, она понимает, что вы сразу ко мне броситесь, а я, по ее расчетам, должен увеличить размер компенсации. Вот только она ошиблась, умный человек пустую мормышку не схватит!

– Там жирный кусок, – возразила Мотя, – она не блефует. Осип загудел:

– Дорогая Матрена Филипповна, поверьте, я верчусь в риелторском бизнесе не первый год, всего навидался. Давайте рассуждать логически. Кому нужен зал Тамары без вашей части? Не может быть таких покупателей! Дом в центре, цена за квадратный метр огромная, это по карману лишь обеспеченному человеку, а такому душ в сортире не понравится,

нужен исключительно весь этаж. Успокойтесь и ждите, скоро Куклина попросит вас согласиться на мое предложение.

– Да выслушайте меня, наконец! – весьма правдоподобно изобразила раздражение Матрена. – Тамарка познакомилась с каким-то сектантом, свидетелем Иеговы, что ли. Им нужно помещение для молитв, вот он и заявился к Куклиной, дает ей денег, она его к себе вписывает. Сектант здесь жить не будет, все останутся на своих местах, но по субботам они тут собрания проводить будут, зал им для этого нужен.

– Вы серьезно? – забеспокоился Осип.

– Сами посудите, – буркнула Мотя. – Она от радости светится, барыш подсчитывает, жирная курочка ей отваливается. Сначала бабла чемодан, а потом еще и еда после их сборищ. Сектант пообещал: «Мы богатый стол накрываем, чай пьем после молитвы, остатки забирать не будем, они ваши. Здорово на питании сэкономите».

– Бред какой-то, – занервничал Кошмаров, – пойду к Куклиной.

– Ее сейчас нет, – быстро добавила Мотя, – она уехала к своему сектанту за суперискателем.

– За чем? – окончательно растерялся Осип.

Моня понизила голос:

– Мужик Тамарку насторожил: «Ох, чую, в твоей квартире дьявол поселился. Надо его прогнать».

– Да он сумасшедший! – с облегчением воскликнул адвокат.

Матрена со вкусом чихнула.

– Кто ж его знает! Но сектант Тамарке объяснил, что среди его паствы есть профессор, который придумал лазер. Или не лазер? В общем, хреновину какую-то. С ней надо по квартире пройти, и на экране увидишь, где дьявол сидит, вроде его по звуку слышно, какие-то волны ловятся.

Осип издал то ли стон, то ли кашель.

– Матрена Филипповна, положитесь на меня, эту проблему я решу. А сейчас проведите меня к Тамаре, хочу проверить, работает ли вонючка, вдруг батарейка села.

В комнате стало тихо. Мы с Димоном вышли из туалета и отправились в квартиру Куклиной. Выждав несколько минут, Коробок вкрадчиво спросил:

– А чем это вы здесь занимаетесь?

Осип, успевший достать из-под плинтуса коробочку, подпрыгнул, стукнулся головой о стену и закричал:

– Это кто?

– Дмитрий Коробков и Татьяна Сергеева, – представил нас хакер.

– Я их наняла, – пояснила Тамара Владимировна, выбираясь из стенного шкафа.

– Хотел Тамарку убить, а меня виноватой сделать! – налетела на обомлевшего юриста Мотя. – Говорил, вонючка рыбой пахнет! А это звуковой убийца!

– Арестуйте его! – приказала Куклина.

– Осип Андреевич, – вмешалась я. – Нам лучше пройти в

офис, поговорим в рабочей обстановке.

Глава 4

Кошмаров умел проигрывать. Он без сопротивления переместился в нашу контору, в комнате для допросов огляделся и воспрял духом.

– Похоже, вы не милиция, значит, не имеете права никого задерживать.

– Насколько я помню, Константин Луков тоже не имел права кое-что делать, – произнес наш шеф, появляясь в кабинете.

Лицо Осипа заметно вытянулось.

– Чеслав!

– Не могу сказать, что рад нашей встрече, – отозвался босс.

Мы с Димоном осторожно переглянулись.

– Кто такой Луков? – шепнула я на ухо хакеру.

– Понятия не имею, – одними губами ответил Коробок.

– Учитывая наше длительное и совсем не приятное знакомство, – продолжал Чеслав, – давай сэкономим время. Выслушай моих ребят и отреагируй правильно. Дмитрий, прошу.

Димон указал на коробочку.

– Кошмаров установил это устройство в квартире Тамары Владимировны. Аппарат испускает не воспринимаемый человеческим ухом звук, который разрушительно влия-

яет на психику и здоровье. Это можно считать покушением на убийство. Вы же адвокат и...

— Он не адвокат, — усмехнулся Чеслав, — он мошенник на побегушках, исполнитель мелких поручений. Что на сей раз, Осип? На твоём счету много «громких» дел, в частности убийство кошки Игоря Кобзева. Мурлыка вечно лазила на дачу к Константину Лукову, воровала у него любимых канареек из клетки, вот он и велел разобраться с кисой. Нашему Осипу дали срок за жестокое обращение с животными. Исключительное для России событие, как правило, подобные правонарушители выплачивают штраф или отбываются условным наказанием. Но Игорь Кобзев был женат на дочери высокопоставленного чиновника, в случае с той кошкой коса нашла на камень. Сколько тебе навесили, Осип? Вроде два-три года? Я не помню, но это легко уточнить. Константин своего прислужника выручать не стал, пошел Кошмаров на зону. Представляю веселье местных авторитетов. Входит в барак новенький, представляется и заявляет: «Статья у меня за убийство». Народ сразу за серьезного пацана его принял, но тут Кошмаров и добавляет: «Я придушил кошку».

Соврать на зоне нельзя, живо язык прищемят. Хорошо тебе жилось, Осип? На кровати спал или под ней? Потом ты вышел, глотнул воздуха свободы, но недолго обычным гражданином по улицам ходил, новый срок получил. Опять не очень суровый, вроде два или три года. Знаешь, Кошмаров,

ты оказался со всех сторон непригодным человеком. Честные люди от тебя отворачивались, не хотели общаться с бандитом, а братки в свой сплоченный круг не принимали, потому как держали за подзаборного хулигана, за мелочь, с которой запахло дела проворачивать. Помнишь, как мы с тобой познакомились? Наемный киллер Лабутин, мой, так сказать, подопечный, скандал в СИЗО устроил.

Чеслав повернулся ко мне и объяснил:

– Лабутина посадили в «малосемейку», камеру на пятирых. Там кроме него еще трое находилось, все, на взгляд убийцы, «достойные» люди, у каждого за плечами несколько ходок и гора трупов. И тут к ним, в, так сказать, VIP-зону, приводят Кошмарова! Мелкого паразита, жалкого жулика, с которым не по чину сидеть даже «правильному» трамвайному вору. Лабутин возмутился и потребовал, чтобы Кошмарова перевели в общую камеру. А начальник СИЗО ответил: «Здесь порядки устанавливаю я».

И пошли у них клочки по закоулочкам. В конце концов меня подключили, я ситуацию разрулил, тогда и с Осипом познакомился. Нет бы тебе, Кошмаров, за ум взяться! Неужели по сию пору ты ничему не научился? Ведь ни у кого уважения не заслужил!

Кошмаров вздернул подбородок.

– А вот и неправда! Константин Рафаилович мне посылки привозил.

– Сам? – засмеялся Чеслав.

– Нет, – буркнул Осип, – не царское это дело – с сумкой таскаться, люди от него приезжали. И я действительно адвокат, имею диплом. Времени в заключении не терял, книги читал, учился, экстерном экзамен сдал.

– Ай, молодец, – сказал босс, – где бумажку выдали? На юридическом факультете МГУ?

– Заочный институт общего образования города Вольска, – буркнул Осип, – какая разница, где диплом получать?

– И ты снова с Константином? – прищурился босс.

– Небось вы в курсе, что его убили, – ответил Кошмаров. – В машине взорвали.

– Не стану горевать, – кивнул Чеслав, – так на кого ты работаешь?

– Я сам по себе! – гордо заявил Осип. – Встал на ноги, являюсь индивидуальным предпринимателем!

– Торгуешь? – предположил шеф. – Тушенка, макароны, яблоки, газеты-журналы, пластмассовые тазики?

– Людям помогаю, – вздохнул Кошмаров.

– Интересно, расскажи-ка поподробнее, – попросил Чеслав. – Может, закурить хочешь? Извини, у нас это запрещено.

– Я адепт здорового образа жизни, – сказал Осип.

– Ух, – покачал головой шеф, – адепт! Красивое слово! Похоже, ты и впрямь книги читать начал. Я восхищен.

– Некоторые не способны понять, что человек может измениться, – торжественно сказал Кошмаров.

– Я тебе верю, – кивнул Чеслав. – Давай, пой про свой бизнес.

– Я помогаю людям решать проблемы, – зачастил Осип, – как адвокат. Ну, допустим, заболел у вас ребенок. Где найти хорошего врача, чтобы по правде лечил, а не бесконечные анализы сдавать гонял. Я нахожу доктора и получаю свой гонорар, совсем небольшой. Или жена собралась развестись с мужем. Охота ей знать, чем он на самом деле владеет, некоторые жуки даже от законной супруги имущество прячут. Я справки наведу и копеечку заработаю.

– Осталось уточнить маленькую деталь, – улыбнулся Чеслав, – кто захотел въехать в квартиру Тамары Владимировны?

– Фамилии клиентов не разглашаю, – отрезал Осип. Шеф поднял бровь.

– И не просите, – уже тише добавил Кошмаров.

Босс нахмурился.

– Вы же понимаете, если я выдам хоть одно имя, то потеряю с трудом заработанное доверие, – заныл Осип. – Репутация складывается годами, а лишиться ее можно в секунду.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул Чеслав, – поэтому уговаривать не стану.

– Я могу идти? – обрадовался Осип.

– У нас к тебе претензий нет, – хмыкнул шеф, – но сейчас сюда приедет Леонид Мартынов. Помнишь такого? Хороший следователь, въедливый, по менталитету бультерьер,

вцепится в добычу – и держит мертвой хваткой.

– Не надо Мартынова, – испугался Осип, – лучше уж вы. Чеслав закинул ногу на ногу.

– Начинай.

Вываленная Кошмаровым история меня совсем не удивила. К Осипу обратился бизнесмен N, очень богатый человек, который хотел поселить в старомосковском доме свою любовницу с новорожденной дочерью. Олигарх считал, что особых трудностей на пути не встретится, он действовал по стандартному плану: предложил Куклиной и Бурмакиной симпатичные квартиры в новых районах. Матрена согласилась сразу, а Тамара Владимировна категорически отказалась. Богач не расстроился, он и не ожидал легкой победы, поэтому начал переговоры с минимальной суммы. Но спустя некоторое время N занервничал. Матрена была готова перебраться по любому новому адресу хоть завтра, а Куклина оказалась гранитной скалой. В конце концов N вручил Осипу коробочку и сказал: «Спрячь у стервы в апартаментах. Это вонючка, она будет издавать нестерпимый запах, и баба сдастся».

– Ну это мы и без тебя знали, – не вытерпел Димон, после того как Осип закончил каяться. – Маленькая деталь: в коробке не пара кусков селедки, а источник разрушительного для здоровья звука.

Кошмаров начал креститься.

– Ей-богу, именно так все и было, как я вам рассказал. Я

внутри не лез. Богач объяснил: «Примостишь вонючку, нажмешь на кнопочку – и отваливай».

– Я бы не удержался, спросил: «Как это работает?» – вздохнул Димон.

Осип исподлобья взглянул на хакера.

– Мне объяснили. Там, внутри, батарейка и вещество, при нагревании оно издает смрад.

– Как далеко зашел прогресс! – восхитилась я.

– Не я это придумал, – неожиданно разозлился Кошмаров.

Чеслав похлопал «адвоката» по плечу.

– Спокойно. Сообщи координаты своего клиента, и я подумаю, как помочь тебе вытащить хвост из грязи. Выбирай: или имя олигарха, или я соединяюсь с Мартыновым.

Осип заерзал на стуле.

– Каждый кузнец своего несчастья, – улыбнулся босс и вынул мобильный.

– Стойте, – перепугался Кошмаров, – Игорь Венев. Отец у него Григорий, очень богатый, да и сам парень при бабле. Но вы же ему не расскажете, кто его сдал?

– Остался адресок, – напомнил Димон, – где обитает олигарх?

– Улица Верхние Лужи, – угрюмо ответил Осип.

– В Москве есть такая? – удивилась я. – Может, ты перепутал с поселком Верхние Поля?

– А кто говорил про Москву? – возразил Осип. – У него

дом в Давыдове.

– Мда, – крикнул Коробок, – городок явно не для миллиардеров.

– Давыдов? – прищурился Чеслав. – Где такой?

Димон сверился со своим наладонником.

– Есть еще у Коробкова память! Не растерял я нейроны! Когда-то там у меня жила... неважно! Давыдов – городок, фактически слившийся с Москвой, но сохранивший юридическую автономность. Ехать до него всего ничего, и, на мой взгляд, странно, что олигарх там поселился.

– Почему? – тут же спросила я.

– Неподалеку огромная свалка, вид и запах соответствующий, – пояснил Димон, – есть в «уютном» месте и улица Верхние Лужи, не знаю, почему ее столь поэтично обозвали.

– Отлично, – потер руки Чеслав, – двигайте туда, а мы с Осипом здесь пока поскучаем.

Коробков мастер быстрой езды, а на дорогах неожиданно не оказалось пробок. Летом многие автовладельцы уезжают из столицы, поэтому до Давыдова мы добрались быстро и обнаружили, что ни на одном из домов нет табличек с названием улиц. Коробков высунулся в окно и спросил у подростка лет двенадцати:

– Девочка, где здесь Верхние Лужи?

Школьница скорчила гримасу.

– Мама не разрешает мне разговаривать с чужими дядями

в джипах!

Я высунулась из своего окошка.

– Дядя с тетей.

Девчонка сморщилась еще сильнее.

– Педофилы часто вместе с помощницами ходят. Я кино видела. Если дадите сто рублей, сообщу, где улица!

– Разговаривать нельзя, а деньги брать можно? – возмущилась я, глядя, как Димон открывает кошелек.

– Молча в нужную сторону ткну, – объяснила юная взятчица, получила розовую бумажку и указала пальцем на тротуар.

– Не понял! – сказал Коробок.

– Вы стоите на Верхней Луже, – ехидно ухмыльнулась нахалка, – она здесь одна! Других в Давыдове нет.

– Супер! – заорала я. – Дом номер пятнадцать где?

– А вам зачем? – проявила любопытство девчонка.

– Надо, – ответила я.

– Вам надо, вы и ищите, – вспылила она и убежала.

Мы с Димоном принялись осматриваться. В Москве есть несколько таких мест, зарулив куда, вы подумаете, что находитесь в глухом селе где-нибудь в тайге. Один из таких уголков расположен в непосредственной близости от улицы Королева, той самой, где высится здание телецентра. Надо миновать огромный дом, из которого ведут вещание центральные телеканалы, повернуть направо на шумную улицу, затем взять левее и... опля, вы въезжаете в микрорайон, состо-

ящий из деревянных избушек. Летом здесь повсюду буйно цветет сирень и всюду заливаются птицы, просто какая-то дыра в пространстве и времени. Могу назвать еще одну зону возле академии имени Тимирязева: там тоже начисто пропадает ощущение враждебного мегаполиса. Зато появляется уверенность, что ты стоишь на окраине сонного, провинциального поселения. И вот теперь в мою коллекцию добавилось Давыдово.

Парадоксальным образом сюда не долетал шум от московской кольцевой дороги, которая располагалась за узкой полоской леса. По бокам улочки стояли развалюхи, более напоминавшие сараи, чем жилые дома, ни одного магазина, никакой рекламы и полнейшее отсутствие людей.

– Думаю, лучше постучать кому-нибудь в дверь, – предложил Димон.

Я кивнула. Мы вылезли из джипа и внезапно услышали странное чавканье. Звук шел сзади, я обернулась и попятилась. По тротуару шагало странное существо. Короткое, тщедушное тело обтягивал зеленый костюм, голова была лысой и тоже имела цвет молодого салата, на месте глаз сверкали круглые банки, нос заменял шланг, присоединенный к мешку на поясе, на ногах – калоши, они были чуть велики владельцу и издавали тот самый чавкающий звук. В руках существо сжимало острую пику.

– Марсианин, – ошарашенно вымолвил Димон.

– Давай сядем в машину и заблокируем двери, – прошеп-

тала я.

Инопланетянин спокойно протопал мимо. Мы с Коробковым интересовали его меньше, чем прошлогодний снег.

– Че? Испугались? – спросил пронзительный голос.

От неожиданности я подпрыгнула и увидела все ту же девочку. Теперь она свисала из окна одной из сараюшек.

– Дайте сто рублей, расскажу, кто он, – снова продемонстрировала смекалку вымогательница.

Я вынула из портмоне купюру.

– Вот. Здесь пятьсот! Отвечаешь на все наши вопросы.

– Нашлась хитрее всех, – хмыкнула девица, выдергивая из моей руки деньги, – тут на пять ответов.

– Как тебя зовут? – приступила я к допросу.

– Карина, – представилась девочка.

– Кто сейчас прошел мимо? – продолжала я.

Карина ткнула рукой вправо.

– Там свалка. Ее закрыли, но мусор не увезли и не сожгли, как лежал, так и остался. Здесь одни мусоролазы ходят.

– Мусоролазы? – повторила я.

– Те, кто роется в помойке? – предположил Димон.

Девочка кивнула.

– Ага! Там много хорошего есть, но воняет! И грязно! Поэтому мусоролазы специально одеваются, противогаз берут, и вперед!

– Ужасно, – передернулась я, – отвратительное занятие – рыться в грудах отбросов! Сейчас практически все можно

купить в магазине.

– Какая быстрая, – не одобрила меня Карина, – там деньги платить надо, а на мусорке бесплатно.

– Надеюсь, они продукты не собирают! – вздрогнула я.

Карина поправила ободок в волосах.

– Почему? Если в банках, то они не стухли. Вон в том доме дядя Жора живет, он тут самый старый, так рассказывает, что ничего не покупает, все с помойки берет.

– Ну и гадость, – поморщилась я, – не могу себе представить, что заставило бы меня прикоснуться к надкушенной кем-то котлете!

– Был у меня приятель Степан, так он сказал, что почувствовал себя настоящим отцом ребенка в тот момент, когда получил на ужин надкушенную сосиску, расковырянную творожную запеканку и недопитый малышом сок, – хмыкнул Коробок.

– Это другое дело! – возразила я. – Доесть за родным отпрыском не противно. Но дожевывать за чужими! Фу!

– Никто за людьми не доедает, – остановила меня Карина, – банки берут невскрытые, коробки конфет, батоны колбасы. Там и другого полно.

– Чего? – хором спросили мы с Димоном.

Карина приложила палец к губам, потом протянула сложенную ковшиком руку. Коробок вручил девчонке новую мзду.

– А кому что охота, – тут же обрела способность говорить

школьница, – книги, золото, цветной металл, одежда, обувь. Найдут и дяде Грише несут, на пункт. Он или сам покупает, или к нужным людям отправляет.

– Фамилия дяди Гриши часом не Венев? – прищурился Димон.

– Если сами знаете, че спрашиваете? И этот вопрос тоже в зачет идет, – нахмурилась Карина.

– Где дядя Гриша живет? – спросила я.

Карина расчесала пальцами спутавшиеся волосы.

– Не знаю.

– Вот здорово! – воскликнул Димон. – Полагаешь, что мы старые, память потеряли? Ты же секунду назад сказала: «Дяде Грише находки несут».

– Там пункт приема, – объяснила Карина, – а не его квартира, идите вниз, до последнего дома.

– Спасибо, деточка, – поблагодарил Коробок.

– У вас еще один ответ оплачен, – напомнила девочка, – мне просто так денег не надо. Вот, держите.

Тоненькие пальчики достали из кармана джинсов столик.

– Оставь себе, – велела я, – непременно воспользуемся возможностью задать тебе еще вопрос.

– Чуть позднее! – уточнил Димон. – Слушай, а ты здесь живешь?

– На лето к бабушке приехала, – уточнила Карина, – на свежий воздух. Вот ваши рублики и пригодятся.

– Здорово, – только и смогла вымолвить я.

– Что за уроды отправили дочь к старухе, которая живет в Давыдове? – возмутился Коробков, когда мы поехали дальше. – Бомжи? Наркоманы?

– Девочка выглядит ухоженной и чистой, – вздохнула я.

– Лишать таких родительских прав надо, – шумел Димон.

– Не у всех есть деньги для отдыха в Майами, – парировала я, – большинство москвичей отвозит своих ребят к бабкам, в Подмосковье.

– Но не на свалку же! – злился Коробков.

– Наверное, отец с матерью не в курсе, что происходит в городке, – защитила я незнакомых людей.

– Значит, они дураки, – не успокаивался хакер.

– Похоже, мы прибыли, – я вернула Димона к работе.

Глава 5

– Вы Григорий Игоревич? – спросил Димон у щуплого мужичонки, одетого в синий халат кладовщика.

– Точно, а ты, золотце, кто? – ласково осведомился Венев.

– Человек, – пожал плечами Коробков.

– Нам сказали, что ваш сын хотел приобрести квартиру, – вмешалась я, – в старом московском районе, но сделка затормозилась!

Григорий вынул из кармана сигареты.

– Не возражаете?

– Пожалуйста, дымите сколько влезет, – милостиво разрешила я, – и одновременно слушайте! Куклина не хочет уезжать, и фиг бы с ней! Можем предложить вам чудовой вариант! Такой же дом, как у Тамары Владимировны, квартира огромная! Не коммуналка! Нам с мужем ее содержать не по карману, а вам подойдет.

Венев щелкнул зажигалкой.

– Ребята, вы чего-то напутали!

– Нет, – включился в игру Димон, – нам Мотя про вас рассказала.

– Мотя? – поразился скупщик.

– Соседка Куклиной, – уточнила я, – мы... э... дружим. Семьями!

Григорий Игоревич деликатно отвернулся от нас и выпу-

стил струю дыма в открытое окно.

– Я с ней не знаком.

– Она Матрена, – поправила я, – да ладно вам! Игорь хочет купить квартиру в центре для дочери! А мы мечтаем свою продать.

– Ребята, вы чего-то напутали, – уточнил Венев, – сын живет со мной.

– Не перепутали, – не приуныл Димон, – постеснялись мы сказать про его любовницу и новорожденную.

– Мы для себя стараемся, – подхватила я, – не в том суть, кому метры нужны, главное, они у нас имеются! Зачем вам с Куклиной бодаться? Оцените наше предложение!

Венев откашлялся.

– Ребята, тут нестыковочка. Игорь не женат, ни любовниц, ни детей не имеет. У меня хороший дом, зачем ему хоромы в Москве, да еще в центре? Парень там задохнется!

– Избушка около свалки не лучший вариант, – выдвинул новый аргумент Коробков.

Григорий обвел рукой комнату.

– Эта, что ли? Так мы здесь и не живем, вы в офис мой приехали. Я построил коттедж в лесу, подальше от Давыдова. Есть у нас хоромы и в Москве. Что-то у вас не так сложилось. Давайте еще раз. Да, у меня есть сын Игорь, после смерти моей жены Алевтины мы живем с ним вдвоем. Парень не женат, на девушек у него из-за работы времени нет. Я этому обстоятельству совсем не рад, хочу видеть его счаст-

ливым семьянином. Если Игорь приведет девушку, а та окажется от него беременной, я им скажу: «Живите, не тужите». Зачем сыну еще одна квартира? Он без моего ведома и не станет ее искать, ко мне придет, совета попросит. Сын знает, я ему всегда помогу и морально, и материально, любые деньги дам.

– Старьевщики так много зарабатывают? – не выдержала я.

Григорий развеселился еще пуще.

– Ну, ребята, вы даете! Я приобретаю винтажные вещи, реставрирую их и продаю в своем магазине, владею парой торговых точек.

– Это законно? – поразился Димон.

– Одни люди выбросили зеркало, другие его подобрали и мне принесли, я заплатил назначенную сдатчиком цену, реставрировал свое приобретение и продал. В чем криминал? – спокойно сказал Венев. – Краденым не торгую, я его за семь верст чую. Хотите каталог?

Не дожидаясь нашего согласия, хозяин взял с полки толстый журнал, перелистал его и ткнул пальцем в одно фото.

– Столик времен королевы Елизаветы, такие еще называли «секретники». Красное дерево, фарфоровые медальоны, ящички, потайное отделение, резьба. Конфетка, а не мебель. Ко мне он попал в ужасном состоянии, я за него отдал пятьдесят рублей, реанимировал и выставил на продажу. Вещица ушла за день.

– И не за пять десятков, – ехидно отметил Коробок.

– Намного дороже, – не стал отрицать свою выгоду Венев, – но я и вложил в столик немало. Или платье Костиковой.

– Кто это? – спросила я.

Григорий затушил окурок.

– Актриса кино, когда-то звезда, потом подзабытая, но до сих пор есть ее фанаты, они делают заказы. Я узнал, что дом, где жила Костикова, сносят, поехал к родственникам, попросил продать ее вещи. Внучка, как она выразилась, «старую дрянь» готова была за копейки сбыть, полезла на антресоли, не нашла сундук, приперла мужа к стенке, а тот признался: «Выкинул, зачем оно нам? Вывез дерьмо в Давыдово».

Мне половина мусоролазов сундук искала, и нашли! Платье отчистили, поправили, кружева восстановили и продали фанатам. Кому плохо? Кое– что самотеком приходит, другое под заказ ищешь. Бизнес. И он хорошо окупается. Что там на подоконнике лежит, видите?

– Погремушка, – ответила я, – дешевая, пластмассовая, внутри круглой оправы вертится космонавт. Во времена моего детства ими повсюду торговали.

– Нынче перестали выпускать такие игрушки, – кивнул Венев, – в двадцать первом веке младенцы другими балуются. Повывбрасывал народ старые гремелки, над кроватью зоопарк с музыкой вешают. А у меня есть коллекционер погремушек. Я «Гагарина» в порядок приведу и ему снесу. Что-

бы редкостями заниматься, надо много знать, иначе глупостей нагородишь. Сервиз на столике видите?

– Симпатичный, – кивнул Димон, – польский, да?

– ГДР, – вздохнул Венев, – социалистические немцы, производство семидесятых двадцатого века. Вот скажите, ребята, что бы вы более ценным посчитали, посуду или тряпку?

Григорий ткнул пальцем в серую грязную кучку, лежащую на столе.

– Чашки с тарелками лучше, – высказался Димон.

– Станный вопрос, – хмыкнула я, – естественно, «Мадонна» дороже. У моих родителей такой сервиз был, название с детства помню.

Венев кивнул.

– Девяносто девять человек из ста с вами согласятся, но найдется один, который возразит: «Фарфор из ГДР ценился только в СССР, ничего особенного в нем нет. А лохмотья – уникальный оренбургский платок, связанный, похоже, в начале прошлого века руками прежних мастериц. Какая-то бабушка носила, а после ее смерти внуки его выкинули. Платок отреставрировать можно, за него иностранцы передерутся». Вот так, ребята. И вы, похоже, не собираетесь квартиру продавать, угадал?

– Завидую вашему таланту видеть суть вещей, – польстила я Григорию. – Не затруднит ответить на парочку наших вопросов?

– Не продавцы и не менты, – продолжил Венев. – Кто вы,

ребята? Чего хотите от дяди Гриши? Ну, интересуйтесь! Девушка, начинай, надо из вежливости пропустить даму вперед.

– Вы сами скупаете вещи? – начала я издалека. – Неужели не имеете помощников?

– Служат у меня ребятки, – сказал старьевщик, – разные, кто лучше разбирается, кто хуже, но сюда, в Давыдово, я сам хожу.

– Почему? – влез Димон.

– Нравится, – коротко ответил Григорий, – люблю дрожь от предвкушения находки. Ну да у вас свои радости, вам моих не понять. Конкретненько интересуйтесь, что знаю, отвечу честно. Не захочу, так и скажу: желания нет данную тему перетирать. Я человек прямой, без зигзагов, со мной лучше по-простому.

– Вам известен адвокат Кошмаров? Осип Андреевич? – спросил Коробок.

– Ишь ты, адвокат, – щелкнул языком Венев, – был здесь раньше Оська Кошмар, жил с матерью. Ничего плохого о Надежде Ниловне не скажу, душевная женщина, а вот сын у нее убогий получился, ни к какому ремеслу не способный. Связался с бандитами, поговаривали, что он за братками сумки носил, но даже в преступниках карьеры не сделал. Мать бросил, сюда носа не казал, Надежда Ниловна не дождалась внимания от сына. Печальная история. Но навряд ли это наш Осип Кошмаров, нашему никогда на адвоката не выучиться,

хотя фамилия и имя редкие, других у меня таких знакомцев нет.

– Вы с ним конфликтовали? – задала я вопрос.

Григорий усмехнулся.

– Один раз выпорол, каюсь! Вытащил ремень из брюк и всыпал дураку, да не помогло. За Надежду Ниловну обидно стало, она на сына молилась, а тот пустой горшок без дна, сколько хорошего ни наталкивай, со свистом провалится. Коли вам интересно, могу подробнее рассказать.

– Мы слушаем, – кивнул Димон.

Григорий снова потянулся за сигаретами.

– Языком ворочать – не камни таскать. Давыдово всегда со свалки жило, она здесь с незапамятных времен была. Один раз, лет десять назад, пацанчики прибежали, искали чего-то, так отрыли чемодан с «керенками», были такие деньги сразу после революции семнадцатого года в ходу. На удивление хорошо сохранились. Я все гадал: хранил их человек на память или собирал? А может, с той стародавней поры тут таились? Ведь сколько лет свалке, никто не знает.

Венев был из породы говорунов, его речь текла, словно полноводная река, медленно и важно, она не прерывалась словами-паразитами, и меня стало убаюкивать.

Свалка в Давыдове никогда не была официальной, если только очень давно, в те годы, когда Григория Игоревича еще на свете не было. Его отец рассказывал, что здесь когда-то был гигантский ров, который постепенно заполнялся мусо-

ром, помойка выползла наружу и раскинулась на пустыре. Почему власти не уничтожили терриконы отходов? У Венева ответа на это не имелось, но он предполагал, что сжечь или переработать то, чего на балансе нет, невозможно. Вот свалка и жила, причем весьма активной жизнью. За счет помойки кормились все жители небольшого подмосковного поселения. Кто-то просто рылся в поисках продуктов или одежды, другие искали вещи на продажу. Маленького Гришу частенько будили по ночам газующие грузовики. Кто и зачем привозил в Давыдово отбросы, мальчик не знал. Зато отлично понимал: его папа здесь самый главный. Люди приносят Игорю Григорьевичу разную всячину, а отец или покупает, или говорит: «Хлама мне не надо».

С ранних лет он обучал сына, часто повторял ему: «Свалка не грязь, это курица, которая несет золотые яйца. Если проявить терпение, можно много полезного найти».

Не только Гриша считал отца местным королем. Шоферы всегда шли на поклон к старшему Веневу, а тот, пошушукавшись с парнями, говорил: «Сбрасывай в пятом квадрате», или: «Свали на площадке у ворот».

Игорь Григорьевич помогал и мусоролазам, тем, кто копался в кучах, подсказывал, где лучше поискать нужное, гасил конфликты, не подпускал к кормушке варягов и ладил с милицией. Представители закона приезжали к Веневу, но лишь в роли просителей. Кому-то Игорь Григорьевич давал симпатичные золотые украшения для жен, кому-то доста-

валась приличная мебель, холодильники, радиоприемники, одежда. Гриша восхищался отцом, хотел стать таким, как он, и во всем его слушался.

Младший Венев окончил школу с отличием, получил университетский диплом и вернулся на свалку. Почти десять лет отец и сын работали бок о бок и в конце концов титул короля перешел к Грише.

Давыдово так и не присоединили к Москве, свалка осталась, теперь водители грузовиков шептались с Григорием Игоревичем. Началась и закончилась перестройка – свалка жила. Бушевал дефолт, падал и поднимался рубль, менялись правительства, Гриша женился, родил сына, похоронил родителей, а свалка оставалась константой. Давным-давно давыдовцы переселились в разные районы, но по-прежнему каждое утро они появлялись на помойке. Образовались целые династии мусоролазов, к ним присоединялись зятья, невестки, сваты. Постороннего человека к свалке и близко не подпускали, в «раскопках» участвовали лишь свои.

Надежда Ниловна была из коренных мусорщиц, росла здесь, с детских лет лазила вместе с родителями по горам тряпья. Родила мальчика от шофера, незаконно доставлявшего мусор. Счастливой семейной жизни не получилось, она одна тащила обожаемого сыночка Осипа. В отличие от большинства давыдовцев, Надежда свалку не любила, не хотела, чтобы мальчик ходил с ней на кладбище выброшенных вещей, поэтому сняла квартиру подальше от помойки.

Григорий Игоревич пытался вразумить Надю, повторял ей: «Неправильно поступаешь, дети должны уважать родителей, гордиться ими. Вот я своего Игорька к работе приставил, он уже кое в чем разбираться начал, семь лет ему всего, а фарфор от фаянса отличает, а ты Осипа, хоть он и старше, бережешь». «Нечем мне гордиться, – возражала Надежда, – я в дерьме роюсь. Мой мальчик в институт пойдет, хорошую профессию получит. Даст Господь, про свалку навсегда забудет». «Пожалеешь потом, да поздно будет», – вздыхал Венев. И напоролил.

Как-то раз Надежда пришла с синяком под глазом, на удивленный взгляд владыки помойки ответила: «Пол мыла на кухне, ноги босые, на линолеуме поскользнулась и о край стола приложилась». «Осторожнее быть надо», – Венев не усмотрел в бытовом происшествии криминала.

Спустя две недели Надя появилась с перевязанной рукой, затем она сломала нос, опять травмировалась, убирая квартиру, потом у нее лопнула губа и сама собой рассеклась бровь.

Григорий Игоревич, как истинный монарх, был обеспокоен здоровьем своих подданных, поэтому в пятницу вечером он без приглашения приехал к Надежде и попал в эпицентр семейной драки. Подросток Осип мутузил мать. Венев скрутил поганца, наподдавал ему ремнем и пригрозил: «Еще раз посмеешь мать тронуть, я тебе ноги повыдергаю и на место рук вставлю».

Кошмаров был трусом, быстро присмирел, а вот Надя, приехав в понедельник на свалку, заглянула к Веневу и сказала: «Больше не вмешивайся, мы в своей семье сами разберемся».

«Не могу позволить, чтобы тебя малолетнее ничтожество било!» – взвился Венев. «Я сама виновата, – всхлипнула Надя, – не смогла ему достойную жизнь обеспечить, с помойки живу. Ося очень переживает». «Ах он переживает, – протянул Венев, – нежный какой! Ладно, больше к вам не полезу».

С той поры Григорий потерял Осипа из вида, до него доходили лишь отголоски сведений: Кошмаров с трудом окончил школу, шляется без дела, связался с бандитами, сел в тюрьму, вышел, повторил ходку и теперь занимается мелкими, не всегда законными делишками. Хорошо хоть мать не дожила до позора, умерла до того, как Осип впервые очутился за решеткой. Избушка Кошмаровой стояла запертой и потихоньку ветшала, грозя развалиться, как некоторые другие сарайчики, потерявшие хозяев. Но не так давно Веневу донесли, что в домике появился законный владелец Осип Кошмаров.

Меньше всего Григорию Игоревичу хотелось ручкаться с сыном Надежды Ниловны, но разрешить кому-то на свалке самовольничать он не мог, поэтому приказал одному из своих верных слуг: «Сгоняй к Кошмару, да скажи ему: «Вся территория поделена, залезешь в чужой квадрат, никто тебе безопасности не гарантирует». А еще Венев велел тщательно присматривать за Осипом. «Наружное наблюдение»

не подвело, соглядатаи докладывали регулярно. Вскоре Григорий забеспокоился. Осип к терриконам не совался, мусор его не интересовал. Кошмаров наезжал в Давыдово пару раз в неделю, запирался в избушке, к нему прикатывали разные люди. Ни шума, ни скандалов, ни драк не было, наоборот, в сараюшке Кошмарова царила тишина, но это пугало Венева больше, чем вопли и склоки.

В конце концов Григорий не выдержал, снова отправил к Осипу гонца с предупреждением: «Не смей здесь свои поганные делишки проворачивать. Проваливай или завязывай с бандитами».

Кошмаров сплюнул сквозь зубы и ответил: «Прав не имеете в мой дом без приглашения вваливаться и условия ставить. Про Константина Лукова слышали?»

«Известный человек, – согласился посланец Григория Игоревича, – но я с ним не знаком». «Зато я на короткой ноге, – похвастался Осип, – ты видишь перед собой правую руку Лукова, его адъютанта. Засунь поэтому свой язык в задницу и канай отсюда». «Адъютант, значит? – хмыкнул гонец. – Ну-ну».

Через три дня, ночью, сарайчик Надежды Ниловны сгорел дотла. Осип больше в Давыдово не совался, да и некуда ему было наезжать, не на пепелище же с людьми встречаться.

– Он небось решил, что я в пожаре виноват, вот и придумал, как мне нагадить, – спокойно завершил рассказ Григорий, – вас сюда отправил. Наврал про интерес Игоря к квар-

тире.

– Глупо, – оценила я маневр Кошмарова, – мы же разберемся во всем и поймем, где ложь.

Венев улыбнулся.

– А кто сказал, что Осип умный? Дурак по-дурацки и орудует, как был идиот, таким и остался.

Глава 6

Димон встал.

– Извините за беспокойство.

Венев улыбнулся:

– Может, чего еще надо?

– Колено! – вспомнила я. – У нас в квартире все очень старое, дому много лет, капитальный ремонт лет пятьдесят, а то и больше не делали.

– Тань, – поморщился Коробков, – не глупи.

Но я отмахнулась от хакера.

– Купить сантехнику – большая проблема, в ванной настоящие чугунные трубы, к ним сложно приделать современные сливы из пластика, диаметр не совпадает. Я давно ищу колено под раковину, которому больше лет, чем мне самой. Нового, естественно, нигде нет, мечтаю о старом, но целом. Вдруг здесь найдется? Сейчас умывальником практически нельзя пользоваться, из-под него вода вытекает, слесарь перестал приходить, сказал: «Ищи деталь».

– Решим твою горе, – по-отечески заботливо пообещал Венев, взял мобильный и сказал в трубку: – Леня, мне нужна чугунина, вроде той, что Елене Кирилловне отвозили. Сделай милость.

Не успела я поблагодарить Григория, как в избушку влетел мальчик лет тринадцати с мешком в руке.

– Здравсти, дядя Гриша, – с порога заорал он, – дедушка велел вам передать.

– Ну разве так принято говорить? – укорил подростка Венев. – «Здравсти, дядя Гриша». А других людей в избе нет?

– Здравсти, дядя Гриша и остальные, – поспешил исправить свою ошибку мальчик.

Григорий Игоревич вытащил из мешковины кривую железку.

– Она! – удивился Димон. – Думал, никогда не найдем.

– Новая! – подпрыгнула я.

– Не совсем, – улыбнулся Венев, – Леонид трубу в порядок привел, у него руки золотые, хорошо бы и Степа мастером стал.

– Я стараюсь, – обиделся мальчик.

– Молодец, хвалю, теперь донеси нашим гостям трубу до машины, – велел хозяин.

– Сами справимся, – засопровтивлялся Димон.

Я расстегнула сумочку.

– Сколько я должна?

– Десять рублей, – ответил Венев.

– Так мало? – недоверчиво спросила я.

– Цену я сам назначаю, – пояснил Григорий, – мог бы и так отдать, но сделаешь подарок, а человеку потом неловко, вроде как отдарить обязан, а если заплатит, его душа спокойна. Червонец с вас, ребятки. Если чего еще захотите, вот визитка.

Коробков взял глянцевый прямоугольник и воскликнул:

– Интернет-магазин «Babuschka»¹! Это вы?

– Слышали о моем скромном предприятии? – обрадовался Венев. – Стараюсь идти в ногу с прогрессом.

– Там шикарный выбор пластинок, – восхитился Димон, – я покупал у вас Утесова и Шульженко, люблю старую эстраду, но она не звучит на современных носителях, все очарование пропадает.

– Легкий треск, тихое шипение, иногда иголка подскакивает, – понимающе подхватил Григорий, – для меня это воспоминание детства. Родители сына спать укладывали, а сами гостей собирали, танцевали под патефон. Всякий раз, когда винил вертится, я вижу перед собой папу и маму. Отец лихо фокстрот откалывал. Наверное, и у вас в душе нечто подобное оживает от старых пластинок.

– Ну, мое детство – это железные миски и кровать без белья, – неожиданно признался Димон, – пластинки в моей жизни появились позже, фарцовал ими.

Я с изумлением посмотрела на хакера. Члены бригады Чеслава не распространяются о деталях своих биографий. Про самого босса мне ничего не известно, лишь недавно услышала, что у него есть семья. У каждого ребенка непременно должны быть отец и мать, в сказку про аиста я давно не верю. По этой причине и у Коробкова должны быть родители. После ряда неприятных событий я очутилась у Димона в

¹ Название придумано автором, любые совпадения случайны.

квартирантках, теперь знаю, что у него есть бабушки, Анфиса и Маргоша, четыре кошки, огромная, лабиринтоподобная квартира и куча бывших любовниц². Хотя я не уверена, что Анфиса и Маргоша, взхлеб сплетничавшие о бабах хакера, говорили правду. За то время, что я живу у Коробкова, он ни разу не приводил в дом посторонних женщин. И вот теперь добавилась еще крупица информации, про железные миски и кровать.

Когда мы вернулись в офис, Чеслав встретил нас с самым мрачным видом.

– Что случилось? – испугалась я.

– Кошмаров умер, – процедил шеф.

– Как? – попятился Димон.

– Насмерть, – сдерживая гнев, пояснил босс. – «Скорая» по прибытии зафиксировала смерть.

– И где он сейчас? – тупо спросила я.

– В морге, им Фатима занимается, – еще больше потемнел лицом Чеслав.

– Как это произошло? – осведомился Димон.

Чеслав потер ладонью затылок.

– Осипа отвели в гостевую, я велел принести ему еды из буфета. Кошмаров отказался от пищи, попросил воды, сладкой, лучше колы, получил бутылку, на моих глазах отвернул пробку, глотнул и через минуту упал со стула.

² Почему Татьяна очутилась у Коробкова, читайте в книге Дарьи Донцовой «Золотое правило Трехпудовочки», издательство «Эксмо».

– Наверное, у него инфаркт, – попыталась я успокоить босса, – неполадки с сердечно-сосудистой системой бывают и в юном, и в зрелом возрасте.

Чеслав скривился.

– Синюшность кожи, судороги... это похоже на перебои с мотором?

– Ну... я не имею медицинского образования, – поспешила я оправдаться.

– Его отравили, – Чеслав стукнул кулаком по столу, – в моем офисе, на моих глазах!

– Маловероятно, босс, – не согласился Димон, – у нас посторонних не бывает.

– Точно! – рявкнул Чеслав. – Кроме меня, отраву ему было некому поднести. Я сам себя подозревать начинаю.

– Яд положили в колу, – засуетилась я.

– Отлично, – ободрил меня Чеслав, – но бутылку я приобрел сам!

– Ты же не пьешь сладкую воду, – не успокаивалась я.

– А сегодня захотел, – признался босс. – Ехал на работу, притормозил у лотка и схватил аж три штуки. Одну бутылку по дороге выхлебал, две другие в кабинет принес.

– Убить хотели тебя! – испугалась я. – Никто ведь не предполагал, что мы приведем Осипа, а ты решишь его угостить. С Кошмаровым все вышло спонтанно.

Шеф внезапно расслабился.

– Я не употребляю лимонад, захотел его впервые за по-

следние лет десять. Решение приобрести колу возникло внезапно, я притормозил у первой попавшейся будки. Кем надо быть, чтобы просчитать заранее эту ситуацию? Гениальным экстрасенсом? Вангой? Я спокойно сплю и не подозреваю, что мне захочется утром выпить фанту-пепси–спрайт-Бура-тино, а некий профессор Мориарти уже продумал преступление до мелочей, зарядил бутылку и отправил ее в ларек? Бред.

– Ты оставлял Осипа одного? – не сдавалась я.

– Ходил за питьем к себе, отсутствовал минуту, когда вернулся, он выглядел здоровее многих, – недоумевал Чеслав, – а потом глотнул, и все!

– Инсульт! – вынес диагноз Димон.

В ту же секунду у Чеслава зазвонил мобильный, шеф поднес трубку к уху и начал через равные промежутки времени повторять:

– Ага... угу... да... ага... угу... да.

Наконец беседа иссякла, босс положил сотовый на стол.

– Это Фатима.

Я перевела дух. Сейчас Чеслав скажет про сердечный приступ у Кошмарова или кровоизлияние в мозг. Очень неприятно, когда в твоём офисе внезапно лишается жизни человек. Но если ты руководитель бригады по расследованию особо опасных преступлений, а тот, почти незнакомый человек подозревается в некрасивых поступках, то ситуацию нельзя назвать просто неприятной. Не знаю, как отреагирует

босс Чеслава на происшествие, а вот следователь Леня Мартынов рассказывал мне о том, что бывает с милиционером, у которого во время допроса скончался задержанный. Можете мне не верить, но ничего хорошего мента не ждет, затеется долгое служебное расследование, парня временно отстранят от работы, кое-кто из коллег предпочтет не общаться с «запаханным» товарищем, другие будут громко выражать сочувствие, третьи станут заговорщицки шептать: «Ничего страшного, все здесь у нас хороши, любой бы на твоём месте не сдержался и вмазал гаду».

А если сотрудника оправдают, вернут ему удостоверение и табельное оружие, он еще долго будет ощущать спиной косые взгляды. Как говорится, ложечки нашлись, а осадочек остался.

У Чеслава в бригаде есть два эксперта. Один из них, Фатима, способна найти иголку в стоге сена. Не было случая, чтобы она не установила причину смерти, не заметила чего-то подозрительного в трупе. Обмануть Фатиму – это все равно что обогнать в математических расчетах суперкомпьютер. Теоретически подобное возможно, а практически никому не удавалось. Если у Осипа случился инфаркт или инсульт, то никаких претензий Чеславу не предъявят. Коли Кошмарова отравили, дело чуть хуже. Начальник моего шефа небось спросит: «Что у тебя в конторе творится, если там людей, как мышей, ядом травят?»

– Она не знает, – дрогнувшим голосом сказал Чеслав.

– Кто? – поразила я.

– Что? – в рифму поинтересовался Димон.

– Осип был абсолютно здоров, – продолжал Чеслав, – не считая залеченной язвы желудка и небольшой эрозии на слизистой того же органа, более ни одного «сучка». Сердце, легкие, почки, печень как у младенца. Похоже, он не пил, не курил, вел исключительно здоровый образ жизни.

– И умер, – ошарашенно добавила я.

Чеслав кивнул.

– Да. Токсикология, правда, еще не готова, но Фатиме кажется, что никаких интересных результатов она не даст. Видимых признаков отравления нет.

– Ты говорил про синюшность, – напомнила я, – бледность.

Впервые на моей памяти Чеслав был не в своей тарелке.

– В ту минуту, когда я наклонился над телом, – без привычной уверенности сказал босс, – мне показалось, что цвет лица у Осипа странный. Но Фатима не насторожилась. Вероятно, виновато освещение в допросной, там люди делаются на привидения похожи, надо лампы поменять. В горле пересохло. Сейчас приду.

– Не пей колу! – хором сказали мы с Димоном.

– Глупости, – передернулся босс, – мне все равно расхотелось газировки, из кулера налью.

Не успел Чеслав покинуть кабинет, как Коробок схватил телефон.

– Фатя? Озвучь еще раз вердикт по Кошмарову. А-а-а!

– Что? Что? – занервничала я.

Коробок вернул мобильный в карман.

– Ничего. Здоровье бычье. По мнению Фатимы, ему просто приказали умереть.

– Подошли и велели: «Давай, живенько, на тот свет?» – насупилась я.

– Так Фатима сказала, – серьезно продолжил Димон, – по ее мнению, Осипу предстояло доскрипеть до девяноста лет. Читал я в Инете про парня, который умел людей взглядом убивать. Зыркнет на человека и скажет: «Завтра в десять утра ты труп!» И точно!

– Верится с трудом, – фыркнула я.

– За что купил, за то и продаю, – не смутился Коробок, – надо же, Фатя ничего не нашла.

– Иди сюда, – слышался из коридора голос Чеслава.

– Уже стервятники слетаются? – шепнул Димон. – Неужели сюда приехали люди «папы»? Ну и оперативность!

– Тише, – шикнула я.

Босс вошел в кабинет, его лицо было, как всегда, безмятежно спокойным.

– Прошу знакомиться, – бросил он. – Приходько.

Вошедший вместе с шефом парень вежливо сказал:

– Здравствуйте.

– Таня, покажи Приходько офис, – велел Чеслав. – Димон, останься.

Я с трудом удержалась от стога. Просто день сурка! Утро началось с визита Тамары Владимировны, которую Чеслав в связи с ее заявлением о травле звуком принял за сумасшедшую. И вот дубль два. Снова Приходько. Интересно, какой бзик у этого?

— Пойдемте, — защебетала я, — сюда, пожалуйста. Мы сейчас находимся в холле. Обратите внимание, с правой стороны стоит кулер, из которого добывают кипяток и прохладную воду. Еще здесь два дивана, кресло и столик с журналами. Пресса не очень свежая, но познавательная.

— Зуб заболел, — неожиданно объявил псих, — у меня там камера.

— Очень интересно, — кивнула я, — любите кино снимать?

— Предпочитаю смотреть, — улынулся умалишенный.

— И то правда, — подхватила я, — с открытым ртом долго не поработаешь.

Парень покосился на меня.

— С открытым ртом? Зачем?

— Если камера в зубе, то как иначе ею пользоваться? — спросила я. — Исключительно с разжатыми челюстями.

— Почему, — не понял парень, — Федя?

— Извините, я Таня, — широко улыбалась я, — Федор — мужское имя.

— Правильно, — не стал спорить собеседник. — Федей женщину не назовут.

— Давно у вас во рту камера? — поинтересовалась я.

Парень чуть отодвинулся от меня.

– Ну... а что?

– Просто интересно, – защебетала я, – наверное, здорово уметь снимать? Давно хочу научиться, но времени нет.

– М-м-м, – протянул «Приходько» и замолчал.

Я попыталась изобразить радушную хозяйку:

– Присаживайтесь.

– Спасибо, – прозвучало в ответ.

Мы устроились на диване. Поскольку я категорически не понимала, что следует делать с психом и по какой причине Чеслав велел мне показать ему офис, то тем для беседы нашлось мало. Я решила прибегнуть к наиболее проверенной:

– Хорошая погода на дворе.

– Не заметил, – без особой приветливости отозвался подопечный.

– Тепло, но не жарко, дождь не идет, – пела я.

– Не заметил, – повторил псих.

– Ты по улице не шел? – не выдержала я.

– Не, меня прямо в автобусе с Марса доставили, – прозвучало в ответ.

– Ты с Марса, – обрадовалась я, – ну как же я раньше не догадалась! У всех марсиан в зубах камеры.

Бровь умалишенного поползла вверх.

– Да?

– Ну, конечно, – щебетала я, – и как там, на Марсе?

– Нормально, – не пошел на контакт идиот.

– Никогда у вас не была, – абсолютно честно заявила я.

– Там баб нет, – нехотя признался «марсианин».

Я зацокала языком.

– Кругом одни мужики?

– Буфетчицы Зина и Валя, – вздохнул «Приходько», – но их за женщин считать трудно.

– Почему? – обрадовалась я завязавшейся беседе.

– Зина усы носит, а Валентина любого в нокаут отправит, – поежился псих, – в ней двести кило веса.

Я понимающе кивнула. До меня дошло, как обстоит дело. Бедняга удрал из психбольницы, Зинаида и Валя – это санитарки. Дело за малым, надо выяснить, откуда он смылся, и вернуть его назад. Многие на моем месте задали бы прямой вопрос: «Где тебя лечат?»

Но я прекрасно знаю: с теми, у кого крыша в полете, следует быть осторожной, делая вид, что веришь в больные фантазии.

– Далеко до Марса? – приступила я к сбору информации.

– Четыре часа, меня укачало по дороге, – признался больной.

– Конечно, в ракете невесомость, – с умным видом кивала я, – мне бы не хотелось долго висеть вниз головой. А ты, похоже, отлично справился с этой проблемой.

– На ракете? – переспросил псих. – В невесомости? Ну этта... того... самого, я на автобусе ехал!

Мои губы расплзлись в улыбке.

– Ох, извини! Совсем забыла! Ведь недавно изобрели рейсовые космические «Икарусы»! Они по маршруту Земля – Марс ходят.

– Никакого регулярного сообщения нет, – оторопело уточнил «марсианин», – только меня привезли.

– Хорошо, хорошо, не нервничай, – нежно прокурлыкала я. – А где ты на Марсе живешь?

– В квартире, – после небольшого колебания ответил собеседник.

– Здорово! Один или с соседями?

– Комната и кухня отдельные, – ответил «Приходько», – сортир тоже.

– Наверное, у вас там очень красиво, – вздохнула я.

– Обычное поле, – пожал плечами парень, – и две трехэтажки. Тоска зеленая.

– И много там зеленых человечков? Я думала, на Марсе, наоборот, все красное! – оживилась я.

Парень встал и пересел в кресло.

– Не, у нас все серое, пыльное.

– Сам про зелень говорил, – начала я терять терпение.

– Тоска зеленая, – повторил псих, – в смысле развлечений нет, клубов, ресторанов, одни ежи с калашами.

Если сообщение про автобус, на котором парня за четыре часа доставили с Марса на Землю, я выслушала спокойно, то рассказ про ежа с автоматом выбил меня из равновесия.

– Можешь посидеть минутку в одиночестве? – поинтере-

совалась я у гостя.

– С удовольствием, – кивнул тот.

Я схватила со столика журнал.

– Почитай пока. Ты знаешь наши буквы?

– В каком смысле «наши буквы»? – заморгал сумасшедший. – Есть еще другие?

– Латиница, кириллица, арабская вязь, иероглифы, узелковое письмо майя, – перечислила я, – существует много видов письменности. Вот у вас, на Марсе, как пишут?

«Пришелец» пару раз оглянулся и шепнул:

– Как везде. По-русски. Я иностранными языками не владею, но непременно научусь по-английски говорить.

Я пошла по коридору в сторону кабинета Чеслава, громко говоря на ходу:

– Вот и молодец! Умница! Засядешь за словари и освоишь все наречия мира.

Глава 7

Чеслав и Димон рассматривали что-то на экране ноутбука, но мое негодование заставило забыть про хорошее воспитание и служебную дисциплину.

– Что мне с этим дураком делать? – спросила я. – Будь добр, Чеслав, уточни!

Босс оторвался от компьютера.

– С кем?

– Ты велел ознакомить Приходько с офисом, – напомнила я.

Чеслав кивнул.

– Верно. И как дела?

– Он увидел кулер, – хихикнула я, – сейчас изучает журнал «Разведение кур».

Димон и шеф вытаращили глаза.

– При чем здесь птица? – спросил босс.

Я решила на всякий случай продемонстрировать свою образованность:

– Курица не птица, она... э... она...

– Насекомое, – подсказал Димон.

– Конечно нет, курица... – Я попыталась четко классифицировать несушку: – Она...

– Перьекрылое, ногастое, яйценокое, – опять вмешался Коробок.

– Мы собрались углубиться в дебри зоологии? – поинтересовался Чеслав.

– Нет, – опомнилась я, – почему вы заговорили о курах? Хакер погладил меня по голове.

– Не плачь, тебя вылечат.

– Ты упомянула, что Приходько читает издание «Разведение кур», – улыбнулся Чеслав, – меня удивил выбор литературы.

– Он взял журнал со столика, – пояснила я.

– У нас в холле есть такой? – изумился босс. – Откуда?

Я пожалала плечами, там еще валяется «Разведение черепах в условиях Подмосковья». Кто ж ответит, как он к нам попал.

– Что не так с Приходько? – моргнул Чеслав.

– Все! – топнула я ногой. – Во-первых, он Приходько, во-вторых, прилетел с Марса на автобусе, добрался оттуда за четыре часа, в-третьих... У них по планете ходят ежи с автоматами.

Чеслав расхохотался. Я никак не ожидала от него такой реакции, тем более сегодня, поэтому замолчала, а шеф открыл дверь кабинета и крикнул:

– Федя, иди сюда!

Когда стройный парень вошел в комнату, Чеслав, с трудом удерживая новый взрыв смеха, произнес:

– Знакомьтесь, Федор Приходько. Наш практикант.

Федор кивнул.

– Здравсти.

– Эй, эй, его фамилия Приходько? – обомлела я. – То есть он не Приходько, в смысле Приходько, а Приходько в смысле паспорта?

Чеслав закрыл ноутбук.

– Согласен, получилась путаница, нам потребуется сменить шифр.

– Отлично подойдет «Броненосец», – предложил Димон.

– Почему? – не понял босс.

– Татьяна сегодня сказала, что у него восемь ног, – с детским восторгом объявил Коробок, – вот я и вспомнил.

– Восемь ног? – заморгал шеф.

– Тамара Владимировна задала загадку, – ввела я Чеслава в курс дела. – У броненосца две передние лапы, две задние, две левые, две правые. Сколько всего?

– Она ответила «восемь»! – подпрыгнул Коробок.

Чеслав потряс головой.

– Молодец!

– Что не так? – разозлилась я. – Вы полагаете, что их у животного может быть меньше? Например, семь?

– При помощи нечетного количества конечностей передвигаться трудно, – высказал свое мнение Федор, – даже дураку ясно.

– А ты можешь раздавить яйцо в ладонях? – налетела я на парня.

– С ума сойти, – пробормотал Чеслав. – Таня, успокойся! Да что с тобой? Яйца кокать не будем.

– Разбить любой дурак сможет, – уперлась я, – а ты его раздави. И вообще, этот Федя говорил, что он с Марса!

Я ожидала, что Чеслав нахмурится или удивится, но он спокойно кивнул.

– Верно, с Марса.

Я кинулась к шефу:

– Чеслав, ты как себя чувствуешь?

– Соответственно обстоятельствам, – спокойно ответил он. – «Марс» – это аббревиатура, а не название планеты. Московский автономный ресурсный спецотдел. Сокращенно МАРС. И Федора привезли в Москву на автобусе.

Я вжала голову в плечи. Осенью прошлого года, когда все в моей жизни казалось стабильным, а квартира еще не сгорела, мне позвонила соседка с пятого этажа, милейшая Верочка Лапутина, и попросила: «Таняша, умоляю, сходи сегодня к моему Сережке в садик на праздник. Они там день мамы и бабушки устраивают, специально стихи разучивали». «В принципе, мне не трудно, – осторожно ответила я, – у меня выходной. Но что мне прикажешь делать на торжестве в честь ближайших родственников?» «Воспитательницы выпендриваются, – пустилась в объяснения Вера, – нет бы концерт устроить, песенки спеть, и хорошо. У нас, блин, царство Макаренко, целое представление запланировали. Каждый ребенок свой стишок разучил. Малыш выйдет на сцену, к нему присоединится мама, крошка ей вроде как подарок делает! Я чуть не поседела, пока мы с Сережкой его мно-

гостишие затвердили. Нас предупредили: в одиночку он выступать не будет, исключительно в моем присутствии. И что выходит? Столько с парнем мучились, зубрили, теперь меня со смены не отпускают, а Сереге плакать? Выручи! Без разницы, кто из семьи придет: бабка, тетка, дедка, репка, мышка-норушка. Скажешь, что ты моя двоюродная сестра. Я уже Сережке на мобильный позвонила, он так обрадовался: «Люблю тетю Таню, от нее конфетами пахнет».

Я подивилась, что у шестилетки есть сотовый, но не высказалась вслух, просто успокоила Веру: «Уже собираюсь. Надо что-то взять с собой?» «Вот я дура беспамятная! – заголосила Верушка. – Велено всем взрослым быть в масках». «Каких?» – деловито уточнила я. «В любой, какую купишь, – пояснила Лапутина, – их в супермаркете на первом этаже видно-невидимо, купи самую удобную, я тебе деньги верну».

Я достала из шкафа платье в мелкий цветочек, накинула на плечи кардиган и поспешила в садик, рассчитав время на поход в магазин.

Верушка слегка напутала: на первом этаже торгового центра находились громадный сетевой продмаг и аптека, всяческие лавчонки гнездились на втором, и ни в одной не было масок, никаких, ни из папье-маше, ни из бумаги, ни из пластмассы. Но в конце концов мне повезло: витрину одного из магазинов детской одежды украшал манекен, чье лицо прикрывала маска козы. Продавщица впечатлилась моим рассказом про праздник и любезно согласилась продать «ко-

зью морду».

В зал я вбежала последней, остальные родители уже успели занять места. Я нацепила маску в коридоре, толкнула дверь, прошла несколько шагов и приклеилась к красной ковровой дорожке, купленной, похоже, лет пятьдесят назад.

Все скамейки были заняты женщинами в масках. Папы и дедушки редкие гости на детсадовских мероприятиях, поэтому сейчас в просторном помещении скопилась исключительно дамская компания. Мое появление вызвало бурный восторг, кое-кто тихо заржал, а кое-кто не постеснялся ткнуть в меня пальцем и сказать: «Круто принарядилась».

Спросите, почему они так развеселились? Они-то все прикрыли лица медицинскими масками, которыми пользуются врачи и медсестры. А я красовалась в маске козы. Более того, в образе мамы семерых козлят мне пришлось выйти на сцену, воспитательницы не разрешили снять маску. «В городе начинается эпидемия, – заявили они, – или так выступаете, или до свидания».

Вот и сейчас, услышав про Марс и автобус, я снова ощутила себя козой.

– Чем ей моя фамилия не понравилась? – забеспокоился Федор.

– Тань, не расстраивайся, – утешил меня Димон, – услышь я про Приходько с Марса, руки бы скрутил парню.

– Он еще говорил про камеру в зубах! – наябедничала я.

– Камера в зубах? – переспросил Чеслав и повернулся к

парню. – Федор, это правда?

Приходько оттопырил нижнюю губу.

– Угу, она меня привела в холл и про журнал сказала: «Можно почитать, правда, он старый».

– Говори побыстрее, – попросил Димон, – какое отношение журнал имеет к зубам и почему у тебя в клыках объектив?

– Она сказала про прессу, – по-прежнему неторопливо продолжал Федор, – я подумал: «Такие же древние газеты у дантистов в приемной». Вспомнил, что у меня выпала пломба, и говорю: «В зубах каверна».

– Камера! – поправила я.

– Каверна, – не сдался Федор, – в смысле дырка. Выстроил в уме логическую цепочку и поделился бедой, а ты не поняла ход моих мыслей, хотя он очень прост: старый журнал – стоматолог – зубы – каверна.

Я повернулась к Чеславу.

– Приходько упоминал камеру!

– Каверну, – не дрогнул новый коллега, – ты просто ослышалась.

– Каверны бывают в легких, – встал на мою защиту Димон.

– В зубах тоже, – не усомнился в своей правоте Федор.

– А ежи с калашами? – прошептала я.

– У нас так охрану называют, – пояснил практикант, – из-за касок с антеннами.

– Все. Забыли. Камера-каверна, журнал-зубы, – приказал

Коробок.

– Таня, вы тут с Димой поговорите, – вздохнул Чеслав, – я сам Федору экскурсию по офису устрою. Пошли!

Новичок беспрекословно двинулся за боссом.

Димон откашлялся.

– Вернемся к делу. Странная штука получается. Осип по приказу некоего N решил убить Тамару Владимировну.

– Может, лишить ее жизни было идеей Кошмарова, – не согласилась я, – ему велели очистить квартиру. Заказчик понял, что Куклина не хочет выезжать, и решил избавиться от старушки.

– Убивают из-за жилплощади сейчас редко, – протянул Димон.

– Людей всегда напрягал квартирный вопрос, – вздохнула я.

– Теперь можно купить хату на любой вкус, – не согласился Коробок. – Ну уперлась бабка рогом, плевать на нее, подберу себе другой вариант.

– Олигарх хочет именно хоромы Моти и Тамары Владимировны, – предположила я.

– Почему? – пожал плечами Димон.

Я начала загибать пальцы.

– Центр города, старое здание, богатые соседи, редкой красоты зал с арочными окнами.

Коробок живо нашел контраргументы:

– Машину припарковать негде, двора нет, никакой охра-

ны, пока разрешение на перепланировку от БТИ получишь, полжизни пройдет. И площадь маленькая!

– Да у Тамары Владимировны бальный зал в семьдесят метров, – возмутилась я.

– И две конурки размером с рюмку, – присовокупил Коробок.

Я ринулась в бой:

– А про Мотю забыл?

– Огромный санузел и спальня для гнома, – хмыкнул хакер, – что получится, если скупить весь этаж? В общей сложности сто квадратов, стандартная столичная трешка, не масштаб для толстосума. Нынче так: если берлога меньше трехсот метров, то считается, что квартирka скромная. Двухэтажный пентхаус или, наоборот, парочка уровней под землей – вот где крутизна.

– Осип говорил о любовнице с ребенком, – покачала я головой, – его клиент не себе жилье подыскивал.

Но Коробок не захотел меня услышать. Он продолжал размышлять вслух:

– А наш нувориш, похоже, нацелился именно на гнездышко Куклиной и Бурмакиной. Почему? Аргументы типа «роскошный вид из окна» не принимаются.

Я взглянула на Димона.

– Дело за малым, надо вычислить личность покупателя и задать ему вопрос: «Котик, за фигом тебе задыхаться в центре, если за те же деньги можно приобрести домик в лесу?»

У Чеслава на столе зазвонил телефон. Хакер снял трубку и не очень вежливо спросил:

– Кто там?

Похоже, с той стороны ответили нечто малоприятное, потому что лицо Коробкова вытянулось.

– Ты уверена? Ага, ясно. Хорошо, сейчас доложу.

– Что случилось? – занервничала я.

Но Димон уже набирал номер.

Не успел Чеслав войти в кабинет, как Коробков вскочил из кресла.

– Помнишь Сяо Цзы?

Шеф на секунду утратил невозмутимость.

– Харитонов? Всерьез спрашиваешь?

– Он убил Осипа, – отрезал Коробок.

Чеслав прислонился спиной к стене, на которой висел большой календарь.

– Дима, успокойся. Харитонов давно мертв.

– Фатима нашла синяк, – сообщил Коробок, – от ручки.

Шеф моргнул.

– Мне она ничего не сказала.

Димон кивнул.

– Так он не сразу проявился, Фатя решила на всякий случай еще раз тело осмотреть и увидела под спецлампой характерный кровоподтек.

Чеслав сел за стол.

– Еще раз прошу тебя перестать нервничать. Сяо Цзы нет.

Он, если помнишь, давно покойник, его похоронили.

– Осиновый кол в его тело не забили, вот он и воскрес, – брякнул Димон.

– Маловероятно, – протянул шеф, но в его голосе я неожиданно услышала сомнение и влезла в разговор:

– Простите, я ничего не понимаю! Кто такой Сяо Цзы?

Димон покосился на Чеслава.

– Рассказывай, – велел босс.

– Великий и бессмертный гуру, – вымолвил Коробок, – двенадцатое воплощение настоятеля Сяо Цзы, исцеляющий взглядом и карающий дыханием.

– Ты здоров? – испугалась я. – Может, температуру померить?

– Лучше я с самого начала, – остановился Димон. – От печки, как говорится. Иначе ты ничего не поймешь.

Глава 8

В советские времена подавляющая масса наших людей была атеистами, открыто в церковь ходили лишь те, кто не собирался делать карьеру. Если коммунист хотел окрестить ребенка, то увозил его из Москвы и совершал обряд в какой-нибудь глухой деревеньке. За обращение к батюшке могли лишиться партийного билета, а вместе с красной книжечкой с профилем Ленина сгинули бы и надежды взобраться вверх по социальной лестнице. Власть очень не любила церковь. К колдунам и гадалкам коммунисты агрессии не проявляли, их просто не воспринимали всерьез. К знахарям и бабкам-костоправкам ходить позволялось, травниц считали народными лекарями, заговаривать грыжу, пить ромашковый чай и лечить радикулит в бане не возбранялось. Одно плохо: старухи, практиковавшие в городах и весях, украшали свои комнаты иконами, жгли свечи и читали молитвы. Но в конце концов, последние можно было принять за заговоры. О том, что на свете существует особый вид людей, способных вернуть здоровье при помощи пассов руками, слышала лишь небольшая часть интеллигенции, про экстрасенсов население узнало только в конце семидесятых. В московских домах шептались о некой Джуне, которая лечит самого Брежнева. Легенды о ней росли и ширились. Кое-кто говорил, что свой дар Джуна открыла случайно: мол, работала официанткой в

кафе, пролила чай на костюм посетителя, испугалась, поводила ладонями над пятном, и оно исчезло. Другие озвучивали иную версию. Джуна попала под машину, очнулась в реанимации, увидела женщину с крыльями, которая заявила: «Теперь твоя судьба лечить недужных», и ощутила в руках силу.

Как на самом деле Джуна пришла к мысли о целительстве, не знал никто. К чести женщины, она никогда не занималась саморекламой, не давала интервью газетам-журналам, тихо помогала тем, кто в ней нуждался, никогда не делила пациентов на полезных и никчемных. Если вам хотелось найти Джуну, вы ее находили, она никому не отказывала в приеме. С другой стороны, целительница и не обещала избавления от всех напастей, не сулила вечной жизни, молодости, была честна с пациентами. Кроме всего прочего, Джуна обладала редкой красотой, острым умом и талантом живописца, рисовала замечательные картины и явно была неординарной личностью.

Перестройка разрушила все барьеры, народ ринулся в церковь. Одни искренне поверили в Бога, другие отдавали дань моде. Появилось невероятное количество экстрасенсов, и большинство из них мало походило на Джуну, они активно снимали порчу, венец безбрачия, брались избавить людей от всех существующих и надуманных болезней, естественно опустошая кошельки легковверных граждан. Практически во всех газетах и журналах печатались рекламные объявления

ведуний, гарантирующих возврат в семью блудного мужа, исцеление алкоголиков-наркоманов, а также предсказательниц, гадалок и прочих. Народ словно сошел с ума. Ставили перед телевизором банки с водой, чтобы «оздоровиться» заряженной положительной энергией жидкостью, привязывали к больным местам снимок мужчины, обещавшего сто-процентный возврат здоровья, ели семена загадочного растения, которые распространял монах с Тибета, и затаив дыхание слушали по радио речи пра-пра-пра... внучки царицы Клеопатры, обещавшей всем вечную жизнь. С течением времени волна интереса к людям с паранормальными способностями стала спадать, но все равно экстрасенсы не испытывали недостатка в клиентах.

Несколько лет назад в офис к Чеславу, который в то время уже возглавлял бригаду, пришла симпатичная молодая женщина, назвалась Елизаветой и сказала: «Меня убили». «Для покойницы вы слишком хорошо выглядите», – не удержался от сарказма Чеслав.

Посетительница не смутилась. «Понимаю, вам сложно мне поверить. Но скоро я распрощаюсь с жизнью».

Ну и как следовало отреагировать на ее высказывание?

Чеслав напоил Елизавету чаем и, чтобы успокоить явную сумасшедшую, начал потихоньку ее расспрашивать. Посетительница была предельно откровенна.

Она рано потеряла родителей, ощущала себя брошенной, несчастной, у нее не складывалась личная жизнь, и вообще

все было плохо, пока судьба не подарила ей встречу с Сяо Цзы.

Однажды бритоголовый мужчина восточной внешности подошел к Лизе в метро и спросил: «Как доехать до «Комсомольской»?»

Елизавета принялась объяснять дорогу и, сама не зная как, очутилась в квартире Сяо Цзы. Понимаю, какие мысли сейчас зародятся у большинства людей, но нет, китаец не был ни насильником, ни грабителем, дома у него жили несколько милых женщин, которые с радостью взяли Лизу под свою опеку, повели себя так, словно незнакомая девушка их сестра, вернувшаяся после долгой разлуки. Лиза каждый день приходила к китайцу в гости. Никто не просил у нее денег, не требовал перевести свою квартиру на его имя, не заставлял молиться, не сажал на диету, не изнурял религиозными ритуалами. Сяо Цзы нельзя было назвать руководителем секты, он просто вернул Лизе семью. И все. Елизавета была счастлива, радость омрачала лишь смерть, которая регулярно приходила в дом Сяо Цзы. Сначала умерла веселая Катюша. Скончалась без видимых причин, вечером легла спать, утром не проснулась. Потом ушла тихая Наташа, а за ней Леночка, которая волшебным образом готовила национальные китайские блюда. Сяо Цзы всякий раз горевал, достойно хоронил женщин, когда положено, их поминал.

А спустя некоторое время обзаводился новой подопечной, одинокой и молодой.

Один раз Лиза не выдержала и спросила: «Сяо Цзы, почему ты живешь без жены и детей? Находишь тех, кто нуждается в помощи, и бескорыстно их поддерживаешь?» Китаец усадил Лизу на маленькую скамеечку и как всегда приветливо сказал: «Мой род очень древний, я веду свой путь от великого целителя и ученого Сяо Цзы, являюсь его двенадцатым перевоплощением. Святой долг Сяо Цзы помогать несчастным девушкам, за которыми охотится смерть. Я вычисляю их в толпе, беру за руку, привожу в свой дом и охраняю силой ритуалов и специальных молитв. Но иногда смерть оказывается сильнее Сяо Цзы. Остается лишь благодарить небесного покровителя за продление жизни моим подопечным. Помнишь Катю?»

Лиза испуганно кивнула, Сяо Цзы продолжал: «Я остановил ее на краю пропасти. Катерине предстояло упасть из окна. Я заметил ее в толпе и понял: завтра она встретит своего одноклассника, тот предложит ей пойти в кафе, угостит вином, проводит до подъезда и уйдет. Катя войдет в парадное, увидит неработающий лифт, пойдет по лестнице, задохнется, откроет окно, чтобы глотнуть воздуха, ощутит головокружение и упадет. Я не дал ей столкнуться с парнем, увел прочь, подарил несколько лет жизни».

«Но она все равно умерла!» – шарахнулась от пророка Лиза. «Я не в силах нарушить планы дьявола, – спокойно возвестил Сяо Цзы, – могу только обмануть его, оттянуть кончину». «А Наташа с Леночкой?» – прошептала Лиза. «Одну

поджидал грузовик с пьяным шофером за рулем, а второй предстояло встретить излишне ревнивого мужчину, который уже задушил одну жену», – не стирая вечной улыбки с лица, объяснил Сяо Цзы. «Значит, мы все будущие жертвы?» – затряслась Лиза. «Когда-нибудь все умрут, – кивнул китаец, – это закон жизни, но мы не исчезнем». «Попадем в рай?» – в надежде предположила Елизавета, которую затошнило от страха. «Перевоплотимся в растения, насекомых, станем деревьями, животными или снова людьми, в зависимости от того, как провели прошлую жизнь, – объяснил Сяо Цзы, – если поступали правильно, то обретем счастье в человеческом образе, если нагрешили, нас опустят на низшую ступень».

Существовать в качестве дуба или коротать следующий век в теле жабы казалось Елизавете непривлекательным, ей хотелось провести еще одну долгую счастливую человеческую жизнь, кроме того, она сообразила: после кончины подруг в очереди к смерти теперь первая она. «Что мне делать?» – зарыдала Лиза. «Не плачь, – утешал девушку Сяо Цзы, – я пока силен и могу сдерживать смерть, но долго это не продлится». «Я умру, – плакала та, – я умру!» «Нет, если пройдешь обряд обращения к небесному императору», – пообещал Сяо Цзы. «Как это?» – прошептала Лиза. «Сложная церемония, к которой надо готовиться. Хочешь дожить до ста лет?» «Да, да, да», – закивала Лиза. «Тогда слушай меня, – приказал китаец, – главное, пойми: я твой учитель, подчиняться мне надо беспрекословно и не задавать вопро-

сов. Если усомнишься хоть на миг в правильности моих действий, начнешь спорить, смерть разрушит охрану и сожрет тебя». «Ой, страшно, – затряслась Лиза, – а что мне предстоит делать?» «Сначала проведем очистительное голодание, – объявил Сяо Цзы, – с сегодняшнего дня ты живешь здесь, в свою квартиру ночевать не ходишь». Бедной Елизавете оставалось только согласиться. «И ничего не говори остальным членам нашей семьи, – предостерег Сяо Цзы, – иначе смерть».

Несколько месяцев Лиза сидела на диете, которая оказалась совсем не тяжелой. «Овощные» дни чередовались с «мясными», из рациона исключили лишь конфеты и сливочное масло. Каждый день Елизавета совершала водные процедуры, занималась гимнастикой под руководством Сяо Цзы, читала классическую литературу, слушала хорошую музыку. Сяо Цзы занялся образованием девушки, водил ее по музеям, Лизочка восхищалась умом китайца: ей казалось, что он знает все. По вечерам, оставшись вдвоем, они совершали обряд очищения. Мылись в ванне, пили специальный настой и укладывались спать в разных постелях.

Сяо Цзы ни разу не выказал ни малейших намеков на интимные отношения, он вел себя как добрый отец, и это внезапно стало злить девушку. А еще в ней шевелилось раздражение, когда Сяо Цзы уделял внимание новым членам семьи, Олесе и Нине, тоже приведенным, так сказать, с улицы. В конце концов Лиза поняла: она влюблена в китайца по уши.

Скажи девушке кто несколько лет назад, что она будет сходить с ума из-за лысого дядечки азиатской внешности, она рассмеялась бы этому человеку в лицо, но ее не мог не привлекать рыцарь без страха и упрека, добрый, щедрый, умный мужчина. О таком мечтает каждая женщина.

И как назло, именно в тот момент, когда Лиза осознала свои чувства к Сяо Цзы, тот стал проводить с ней сеансы массажа. Она не выдержала, бросилась на шею китайцу и призналась ему в любви.

Реакция Сяо Цзы оказалась странной. Он нежно обнял Лизу и сказал: «Хорошо. Теперь ты готова победить смерть, получила нужные силы». «Для чего?» – не поняла Лизавета. «Смерть отступает, когда появляется новая жизнь, – вздохнул китаец, – родишь сына и доживешь до ста лет». «У меня нет мужа, – густо покраснела Лиза, – и я вообще... никогда... ни с кем...» «Ты любишь меня, – улыбнулся Сяо Цзы, – что еще надо? Вечером мы по особому обычаю отпразднуем нашу свадьбу, но помни: главное – сохранить тайну. Рассказать о своих чувствах подругам можно лишь после появления на свет сына». «А вдруг родится девочка?» – прошептала Лиза. «Нет, – уверенно сказал Сяо Цзы, – только мальчик. Без всяких сомнений, ты принесешь мне сына».

Сексуальная жизнь доставляла Лизе одни радости, она не имела никакого интимного опыта, но слышала рассказы коллег по работе и понимала: то, что творится у нее в постели с Сяо Цзы, не похоже на их нудные отношения, именуемые

«семейным долгом». Елизавета была абсолютно счастлива, она окончательно растворилась в гражданском муже, подчинялась всем его правилам и с трепетом ждала наступления беременности. Но увы! У них ничего не получалось.

После года бесплодных попыток Сяо Цзы неожиданно принес в спальню огромную свечу фиолетового цвета. Когда он зажег фитиль, Лиза ощутила странный запах, сладкий и горький одновременно, у нее закружилась голова и возникло ощущение опьянения.

«Что это?» – спросила она у мужа. «Надеюсь, вдыхание дыма поможет тебе забеременеть», – улыбнулся тот. Наутро Лиза с трудом встала с кровати, ее тошнило, ноги разъезжались в разные стороны, тело казалось легким, словно шарик, наполненный гелием, ей было трудно заставить себя ходить прямо. «Я заболела», – испугалась Елизавета. «Нет, – успокоил ее Сяо Цзы, – это действие свечи кунг». «Прежде мне от всех обрядов становилось только лучше, – жаловалась Лиза, – а сейчас очень плохо». «В жизни бывают разные моменты, плохие и хорошие, от того, не загордился ли ты в минуту благоденствия, зависит, сколь длинной окажется черная полоса, а от того, с каким настроением ты отнесешься к испытанию, – как скоро вернется белая», – без малейших признаков волнения ответил китаец.

Слова Сяо Цзы всегда успокаивали Лизу, но в этот раз ей вдруг стало страшно. Она неожиданно вспомнила, что незадолго до смерти и Катя, и Наташа, и Леночка чувствовали го-

ловокружение, слабость, у них пропадал аппетит. Но больше всего Лизу напрягло другое воспоминание. До того, как стать гражданской женой Сяо Цзы, она всегда уходила ночевать домой. Что происходило в квартире китайца ночью, девушка не знала. Катя, Наташа и Леночка поступали так же, однако во время болезни, которая предшествовала их смерти, каждая из них жила у Сяо Цзы. Он им говорил: «За больной следует ухаживать, вдруг ей ночью плохо станет. Вы днем за своей сестрой приглядите, а я после захода солнца».

Но забота не помогла. Все девушки умерли. И последнее. В комнате, где лежали больные, по утрам пахло чем-то странным, сладким и горьким одновременно.

– Я узнала этот запах, – шептала Лиза, – такой аромат издавала та фиолетовая свеча. Со мной происходит то же самое, что и с ними. Я умираю.

Чеслав не первый год работал в бригаде, он наслушался и насмотрелся всякого, поэтому приучил себя ничему не удивляться и не верить пустым рассказам без каких-либо доказательств.

– Сходите к доктору, – посоветовал он Лизе, – сдайте анализы, пройдите обследование. Ваш организм еще молод, если вовремя начать лечение, он сам справится с вирусом или инфекцией.

– Они умерли, – безнадежно повторила Лиза.

– Ваши подруги обращались к врачам? – поинтересовался Чеслав.

– Их лечил Сяо Цзы, – опустила голову Елизавета, – китайская медицина сильнее русской. Иглоукалывание творит чудеса, сборы трав, порошок из пиявок, высушенные глаза жабы всем помогают.

Шефу в особенности понравилось сообщение про пиявок и лягушек. Но он не мог позволить себе расхохотаться, Чеслав разозлился и резко сказал:

– Хоть десять ящериц на обед слопай, аппендицит не пройдет. Иногда, кроме гомеопата, требуется хирург и антибиотики. Вероятно, в квартире Сяо Цзы есть плесень или грибок которые губительно действуют на человека. Надо пригласить санэпидемстанцию, сделать дезинфекцию жилья и отправиться к хорошему врачу. Хотите, дам вам адрес медика, которому можно доверять?

Лиза неожиданно подняла юбку.

– Видите пятно?

– Где? – смутился Чеслав.

– На бедре, – прошептала девушка, – оно появилось сегодня утром. Точь-в-точь такое было у Лены. Я видела, потому что одевала ее тело, и у Наташи с Катей такой синяк имелся, маленький, но приметный. А теперь вот у меня. И знаете что? Сегодня ночью я проснулась, ну не совсем, а так, была в полудреме. Лежу в кровати, свеча пахнет, дым мозг заволакивает, я как пьяная. Тут дверь тихонечко открывается, появляется Сяо Цзы и тихо-тихо спрашивает: «Лиза, ты как?» Я хочу ему ответить, а не могу, язык не шевелится, веки не

приподнимаются, лишь чуть-чуть щелочки открылись. Вижу я, как Сяо Цзы к кровати подошел, одеяло откинул, мою рубашку приподнял и к бедру что-то приложил, холодное, типа авторучки. Подержал недолго, в карман ее убрал, снова меня накрыл и давай молитву читать, а в ней такие слова странные. Всего я не запомнила, но отдельные выражения повторить смогу: «В следующий раз вернись человеком» и еще: «Уходи без боли и страха, с любовью в сердце». Если честно, я дико перепугалась, подумала, что он меня на тот свет отправляет, и тут заснула. Утром просыпаюсь, на ноге синяк, как у тех, кто умер. И я подумала: вдруг он сам всех убил?

– Кто? – уточнил Чеслав.

– Сяо Цзы, – еле вымолвила Елизавета, – мы все перед ним чем-то провинились, и он нас на кладбище спрашивает.

Чеслав упросил Лизу поехать к врачу. Он не верил в версию о китайце-чудовище, который живет с девушками, а потом лишает тех жизни. Да и о каком преступлении в этом случае могла идти речь? Сяо Цзы не причинял подопечным ни малейшего зла, не издевался над ними, не насиловал, не бил, не заставлял тяжело работать. Лиза выглядела вполне здоровой, ну разве что чуть тощей на вкус шефа. На ней была хорошая одежда, в ушах сверкали серьги, на пальцах – кольца. Чеслав решил, что у посетительницы психические проблемы, и побоялся отправить ее домой. Особе с манией преследования лучше находиться под наблюдением доктора, по-

этому шеф отвез Елизавету к своему знакомому, дипломированному психиатру, и попросил задержать пациентку до того, как за ней не явится сожитель. Одновременно с этим Чеслав позвонил по телефону, который оставила ему Лиза, услышал милый женский голос и попросил:

– Позовите Сяо Цзы.

– Он вернется к девяти вечера, – прозвучало в ответ.

Чеслав представился и рассказал о визите Елизаветы.

– Она нашлась! – обрадовалась женщина. – Спасибо вам, я очень нервничала. Лизочка заболела, подцепила грипп, Сяо Цзы велел мне с работы отпроситься и поить Лизу каждые два часа целебным отваром. Я всего-то на полчаса в булочную отлучилась, вернулась – а ее нет.

Чеслав обрадовался: вирусное заболевание может сопровождаться бредом, до ночи Лиза будет у доктора, потом ее заберет Сяо Цзы. Вот только психиатра следовало предупредить о гриппе. Босс набрал телефон приятеля, но тот не снял трубку, соединиться с ним Чеславу удалось лишь через два часа, и он узнал шокирующую новость: Елизавета скончалась после внезапного судорожного припадка.

Глава 9

Не стану мучить вас длинным рассказом, сразу сообщу развязку. Патологоанатом, тщательно изучив тело Лизы, пришел к выводу, что она была абсолютно здорова. Синяк на ее бедре оказался... печатью в виде дракона.

– Такое впечатление, что в нее ткнули чем-то вроде сигареты. На конце была гравировка в виде мифического персонажа, – объявил эксперт.

– Есть ожог? – уточнил босс.

– Нет, – помотал головой прозектор.

– При чем тогда сигарета? – разозлился шеф. – И она мягкая, при нажатии сломается.

– Я подобрал неудачное сравнение, – смутился собеседник, – представь неочиненный карандаш, у которого на тупом конце выбита фигурка дракона. В Лизу с силой ткнули таким предметом, образовался маленький синяк, но в лупу его хорошо видно. Теперь понятно?

– Ты златоуст, – кивнул Чеслав, – значит, просто синяк? Уколов нет?

– Ни единого, – заверил эксперт.

Но шеф не успокоился. Ситуация показалась ему подозрительной. Не совсем законным образом он заполучил отпечатки пальцев Сяо Цзы. Шеф применил старую как мир уловку – в дверь к китайцу позвонила женщина и сказала:

«Жильцы собирают деньги на похороны одинокого соседа. Дайте, сколько не жаль!»

Сяо Цзы вежливо кивнул и подал купюру, а тетушка протянула ему лист бумаги и ручку со словами:

– У нас все по-честному, распишитесь, пожалуйста, в ведомости, чтобы не дай бог инициативную группу в мошенничестве не обвинили.

Ручка была обработана особым составом, эксперт получила материал для исследования. Чеслав пробил отпечатки по базе данных и ахнул. Сяо Цзы оказался Эдуардом Харитоновым, бурятом по национальности, трижды судимым за кражи.

«Китайца» спешно привезли к Чеславу, и шеф стал беседовать с Эдиком.

Отпираться Харитонов не стал, наоборот, без вранья рассказал о себе правду. Последний срок Эдик мотал на зоне далеко от Москвы, вместе с ним в бараке оказался Николай Шундун, увлекавшийся восточной философией и религией. Вместо курева и чая Шундун получал с воли книги, он поражал все население зоны тем, что в суровую уральскую зиму спокойно выходил на лесоповал в тонком ватнике, никогда не мерз, ни разу не заболел и ни на что не жаловался. Когда Эдик увидел, что Николай в одних трусах, с ведром воды в руках идет за дверь барака, он испугался и кинулся к отрядному со словами: «Шундун с ума сошел! На календаре декабрь, а он загорать собрался!» «Первый раз представление

видишь? – заржал офицер. – Любуйся».

Эдик прижался носом к окну. Ему открылось поразительное зрелище. Николай, голый, если не считать плавок, стоял босыми ногами на снегу, подняв руки вверх.

«Чего он делает?» – не понял Харитонов. «Молится своим китайским богам, – пояснил отрядный, – вообще-то он умный, умеет иголки в тело втыкать, всех здесь лечит, мог бы в авторитете ходить, да ничего ему не надо. А еще говорят, Шундун легко убить может. Воткнет иглу не туда, и пишите письма».

Николай тем временем поднял ведро, опрокинул на себя ледяную воду, встряхнулся, как довольная собака, которую обдало летним дождем, и не спеша пошлепал в барак. «Офигеть», – только и сумел произнести Эдик.

Вечером Харитонов подошел к Шундуну и спросил: «Как ты это проделываешь? Холода не чувствуешь!» «Могу научить, – спокойно ответил Николай, – если, конечно, ты хочешь!»

Срок у Харитонova и Шундуна был примерно одинаковым, на волю вышли вместе и поселились в одной квартире. Эдик больше не занимался воровством, он честно работал сначала санитаром в больнице, потом выучился на фельдшера и стал ездить на «Скорой помощи». Общение с Николаем кардинально изменило Харитонova. Когда Шундун умер, Эдик назвался Сяо Цзы и решил, что он теперь перевоплощение китайского целителя. В голове у Сяо Цзы была мешанина из буддизма, православия и прочих религий, Эди-

ка нельзя назвать стопроцентно адекватным психически, но этого никто не замечал. На работе «китайца» считали хорошим фельдшером, Николай успел научить друга многим премудростям. Эдик умел ставить иглы, делать массаж, легко справлялся с болями в позвоночнике, мог быстро погрузить человека в сон. С коллегами Сяо Цзы был вежлив и немногословен, он никогда не опаздывал, не отпрашивался со смены, не жаловался на маленькую зарплату и большую нагрузку. Идеальный сотрудник, почти робот. И никто ничего не знал о личной жизни «китайца» и о его главной проблеме.

Сяо Цзы требовался сын: именно в него должна переселиться душа целителя, когда его тело окончит земной путь. Родить мальчика должна была чистая девушка, искренне любящая «китайца». Ей следовало тщательно подготовиться к процессу зачатия, соблюсти определенные ритуалы, и она не должна была испытывать к отцу малыша негативных эмоций. Не стоит спрашивать, откуда Харитонов нахватался таких идей. Эдик шел к назначенной цели осторожно. Он намечал объект, изучал, потом вроде бы случайно знакомился с кандидаткой, приглашал ее к себе и начинал воспитывать будущую мать своего сына. Но вот беда: женщины от него не беременели. Через какое-то время у «китайца» сложилась система: с одной «невестой» он жил, пытаясь зачать ребенка, а две-три других служили запасным вариантом.

Когда Сяо Цзы понимал, что «жена» не способна родить

от него, он спокойно убирал ее и начинал «семейную жизнь» со следующей.

Даже Чеслав растерялся, услышав его обстоятельный рассказ. Сяо Цзы ничего не скрывал.

– Моя вера велит говорить исключительно правду, – сообщил он, – ложь портит карму.

– Как ты их убивал? – спросил шеф.

– Я отправлял любимых в рай, – поправил его Харитонов, – на земле их ждали одни мучения. Мне пришлось бы отказаться от прежней семьи и завести новую, чтобы бывшая супруга не страдала в одиночестве, не лила слезы, я освобождал ее душу для встречи с Богом.

– И как ты это делал? – стукнул кулаком по столу Чеслав.

– Сначала проводил обряд очищения, а потом ставил печать дракона, – пояснил Харитонов, – мне ее Николай оставил.

Совершенно не смущаясь, Эдик вынул из кармана футляр, в котором лежал предмет, отдаленно напоминающий авторучку.

– Они ушли счастливыми, – повторил Харитонов, – без страданий. Если женщина испытает мучения, физические и нравственные, это может сильно ухудшить карму ее мужа.

Харитонova, несмотря на его закидоны, признали вменяемым, судили, приговорили к пожизненному заключению и отправили в спецтюрьму. Через год Эдуард скончался и был похоронен на местном кладбище.

«Авторучка» оказалась древней, эксперт не смог сказать, сколько лет орудию убийства. По сути это был инъекторный шприц, которые современная медицина начала применять лишь за несколько лет до поимки Харитонов. Инъекция делалась не при помощи иглы, снадобье поступало в тело под давлением, никакого следа, кроме синяка в виде дракона, не оставалось. Яда в организме Лизы и других эксгумированных жертв Сяо Цзы не обнаружили. Токсиколог находился в тупике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.